

ИЗ ИСТОРИИ КНИГОИЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-44-95

© М. Л. СПИВАК

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» И ЛИТЕРАТУРНАЯ «КУХНЯ» 1920-х ГОДОВ*

1. «И тут вдруг объявился издатель»: И. Г. Лежнев или Н. Э. Хелминский?

В октябре 1923 года Белый вернулся из Германии в Советскую Россию после недолгой эмиграции (1921–1923) совершенно без денег и без пригодных для публикации (а значит, и для получения гонораров) материалов. «Но каким образом Белый оказался без готовых рукописей, которые мог бы устроить в Москве?» — вопрошал его друг и добровольный литературный секретарь П. Н. Зайцев. И сам же отвечал: «Как и прежде в России, он жил в Берлине своим писательским трудом. Там с 1921 года возникло много русских издательств. Им Андрей Белый за два года продал все, что у него было нового и старого. В Москву он вернулся с пустым портфелем, кроме разве того, что на родине, в новых условиях трудно было опубликовать. <...> Но и новое... что с ним делать, когда готовая рукопись в листа два-полтора печатных будет лежать в столе? Где ее напечатать?»¹

К счастью, у Белого установились связи с журналом «Россия» (1922–1926) и его издателем Исаем Григорьевичем Лежневым (1891–1955).²

«В эти годы возникло течение общественной мысли „Смена вех“. Советская власть относилась к нему терпимо. <...> Журнал „Россия“ был сменовеховским. Сменовеховцем был и Лежнев. В „России“ стали печататься и некоторые новые писатели, например, М. А. Булгаков, поместивший в журнале начало своего романа „Белая гвардия“. Исая Лежнев, сам или через сотрудников журнала, завязал сношения с Белым и, узнав, что Борис Николаевич собирался писать новый роман, предложил заключить с ним договор», — излагал свое общее видение ситуации Зайцев.³ Посодействовать контакту Лежнева с Белым мог Б. Пильняк, который был близок и к «России», и к Белому (речь об этом пойдет дальше).

Белый начал печататься в «России», когда был в Германии (1921–1923), но по возвращении из эмиграции этот журнал оказался его главным подспорьем и главной надеждой (уже в первом номере за 1924 год выходит очерк

* Благодарю А. В. Лаврова, М. П. Одесского, А. Л. Соболева за деятельную помощь в работе над статьей.

¹ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого / Подг. текста и прим. М. Л. Спивак // Зайцев П. Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи / Сост. М. Л. Спивак; вступ. статья Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М., 2008. С. 51.

² Подробнее об этом см.: Мишуровская М. В. Редактор «России»: Биография И. Г. Лежнева — архивные документы и публикации // История и архивы. 2020. № 3. С. 52–68; 2021. № 1. С. 87–104; № 4. С. 69–81.

³ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 51.

«Арбат»). «Частые свидания с Лежневым и разговоры о журнале „Россия“ относятся в «Ракурсе к дневнику» к январю 1924 года.⁴

По свидетельству К. Н. Бугаевой, «разговоры о новом романе, который „надо“ писать, поднимались чуть ли еще не зимой»,⁵ т. е. тогда, когда происходили те самые «частые свидания с Лежневым». Однако Белый сначала отвлекся на «Гибель сенатора», пьесу по роману «Петербург» (ее постановка в МХТ-2 сулила хороший гонорар), потом на поездку с лекциями в Киев, а затем стал собираться на отдых в Коктебель, хотя денег не было совсем.

К. Н. Бугаева отмечала, что «только в конце весны, перед самым отъездом в Коктебель, Б. Н. дал окончательное согласие издателю (Хелминскому или Лежневу)». ⁶ В мемуарах Зайцева в качестве издателя также назван сначала один: «И тут вдруг объявился издатель. Это был Исай Григорьевич Лежнев». А потом другой: «Весной Борис Николаевич и Клавдия Николаевна собрались ехать в Коктебель. К этому времени объявился новый претендент в издатели романа „Москва“ — некто Н. Э. Хелминский. С ним свел Бориса Николаевича, возможно, Борис Пильняк».⁷

То, что и К. Н. Бугаева, и Зайцев, да и сам Белый не очень хорошо понимали (или помнили), кто же издатель будущего романа (Лежнев или Хелминский), очень показательно, и это станет в дальнейшем предметом нашего специального рассмотрения. Но сразу же подчеркнем, что уже в самом начале издательской истории романа Белого, еще не написанного и даже не начатого, возникла странная нестыковка. Разговоры о публикации будущего произведения велись с Лежневым, а договор, определяющий намерения сторон, был заключен с Хелминским. Текст договора, датированный 14 апреля 1924 года, опубликован Дж. Малмстадом:

«ДОГОВОР

Между Борисом Николаевичем Бугаевым (Андреем Белым) с одной стороны и Николаем Эдмундовичем Хелминским с другой 14 апр. 1924 г. в Москве заключен нижеследующий договор:

1) Б. Н. Бугаев обязуется написать роман и сдать его (или части его, удобные для печати отдельным изданием) Н. Э. Хелминскому к 1 сент. с. г.

2) Н. Э. Хелминский не предусматривает сейчас, как будет издан этот роман; он обязуется выпустить его в свет не позднее трех месяцев со дня получения рукописи.

3) Н. Э. Хелминский обязуется выплачивать Б. Н. Бугаеву ежемесячно, начиная с 1-го мая, в течение четырех месяцев, сто пятьдесят рублей золотом.

4) Если условия, кои будут предложены в сентябре, когда должно будет приступить к печатанию романа Н. Э. Хелминским, с одной стороны, и роман с другой, не будут удовлетворительны, — настоящий договор расторгается с тем, что Б. Н. Бугаев возвращает Н. Э. Хелминскому полученные от него шестьсот рублей в месячный срок. Арбитром в решении этого пункта, в случае разногласия между Б. Н. Бугаевым и Н. Э. Хелминским, является Б. А. Вогау (Пильняк).

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)
Николай Эдмундович Хелминский».⁸

⁴ Белый А. Ракурс к дневнику // Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. С. 482.

⁵ Цит. по: Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисловие и комм. Дж. Малмстада; подг. текста Е. М. Варенцовой и Дж. Малмстада. СПб., 2001. С. 143.

⁶ Там же.

⁷ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 51, 58. У Зайцева в мемуарах: везде Хелминский (в цитатах, приведенных в статье, для удобства написания исправлено).

⁸ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 343.

Уже при первом взгляде на этот документ в глаза бросается его странность, неконкретность и невнятность. Можно было бы, конечно, предположить, что редактор «России» не обращал внимания на формальности, а все важное и конкретное обговаривал в устных беседах. Однако это не так, совсем не так.

Белый был не единственным автором, с которым работал и заключал договоры Лежнев. Параллельно сюжету с «Москвой» Андрея Белого развивался известный своими скандальными последствиями сюжет с публикацией в «России», а потом с выпуском отдельным заграничным изданием романа М. А. Булгакова «Белая гвардия».⁹

Договор с Булгаковым был заключен 10 апреля 1924 года, договор с Белым — через четыре дня, 14 апреля, т. е. практически одновременно. Однако принципиальная разница между ними не просто поражает, но шокирует. Для сравнения приведем и договор с Булгаковым:

«ДОГОВОР

Москва 10 апреля <19>24 года мы нижеподписавшиеся, ответственный редактор журнала „Россия“ и уполномоченный издательства „Художественная печать“ Исая Григорьевич Лежнев с одной стороны и Михаил Афанасьевич Булгаков с другой, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1) М. А. Булгаков предоставляет И. Г. Лежневу свой роман „Б<елая> Г<вардия>“ размером 10–15 печатных листов (21 глава) для напечатания его в журнале „Россия“ в нескольких книжках и последующего издания романа отдельной книгой в издательстве „Художественная печать“ в количестве не более 5.000 экз.

2) Издательство „Художественная печать“ оплачивает М. А. Булгакову за право двойного использования романа (проведение его через журнал и последующее издание отдельной книгой) из расчета 80 руб. (восемьдесят рублей) за фактически использованный гонорарный лист в 40.000 типографских знаков.

3) Предоставляя свой роман в целом в распоряжение И. Г. Лежнева М. А. Булгаков сохраняет за собой право предоставить отрывки из романа редакции сборников „Недра“, размером не свыше полулиста и для напечатания в сборнике не ранее № 6 и б/редакциям газет — Берлинской — „Накануне“ и Петроградской понедельникной „Последние новости“ размером каждой не свыше одной трети листа и с обязательным указанием, что роман в целом печатается в журнале „Россия“.

Примечание: Выбор указанных выше трех отрывков производится совместно М. А. Булгаковым и И. Г. Лежневым.

4) К моменту подписания настоящего договора М. А. Булгаков получает 150 руб. (сто пятьдесят). Дальнейшие платежи производятся в три срока: 15-го мая, 1-го июля и 15 августа текущего года. Размер подлежащей оплате М. А. Булгакову суммы в каждый из указанных сроков определяется следующим образом: количество разрешенных Главлитом к печати гонорарных листов помножается на 80; из этой общей суммы вычитаются полученные уже М. А. Булгаковым 150 рублей и разность делится на три.

5) Журнал „Россия“ и Издательство „Художественная печать“ настоящим договором получают право эксплуатации романа до 4-го октября <19>25 года. После этого срока М. А. Булгаков освобождается от своих обязательств по

⁹ Мишуrowsкая М. В. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015.

отношению к журналу и Издательству и получает право продажи романа для второго издания.

Примечание I-ое: За издательством „Художественная печать“ сохраняются преимущественные права при заключении М. А. Булгаковым договора на второе издание.

Примечание II-е: Право перевода романа на иностранные языки остается за автором М. А. Булгаковым.

6) И. Г. Лежнев не берет на себя цензурного риска. В случае, если роман М. А. Булгакова будет целиком запрещен к печати Главлитом, получаемая им, М. А. Булгаковым, при подписании договора в 150 рублей, рассматривается как аванс по журналу „Россия“, каковая авансовая сумма покрывается М. А. Булгаковым предоставлением редакции двух с половиной листов оригинального и пригодного для использования литературного материала. Пригодность этого материала определяется И. Г. Лежневым, как редактором, а возможность реализации в печати — Главлитом.

7) В случае, если Главлитом будут разрешены к печати лишь отдельные главы романа М. А. Булгакова, которые могут быть использованы лишь в журнале, а для издания отдельной самостоятельной книгой недостаточно, то материал этот поступает в распоряжение редакции и подлежит дополнительной оплате в той части, которая превышает два с половиной печатных листа.

8) По выходе романа М. А. Булгакова автор получает 25 экз. книги.

9) Все споры по настоящему договору разрешаются в судебных установлениях гор. Москвы.

10) Настоящий договор составлен в двух экземплярах, один из которых хранится у И. Г. Лежнева, другой у М. А. Булгакова.

Москва 10 апреля 1924 года
Михаил Булгаков
И. Лежнев¹⁰

Из договора с Булгаковым видно, что Лежнев — человек опытный и осторожный. Им предусмотрено все: цензурные риски, способы компенсации ущерба, параллельная публикация фрагментов романа, повторные издания и переводы, даже количество положенных авторских экземпляров. Ничего этого в договоре с Белым нет. В нем всего скудных четыре пункта, но и они вызывают недоумение.

В первом пункте прописаны обязательства автора: к 1 сентября «написать роман и сдать его (или части его, удобные для печати отдельным изданием)». В нем не указаны ни название романа (пусть рабочее), ни его объем (пусть примерный), а что такое части, «удобные для печати отдельным изданием», вообще невозможно понять. Обозначенный в договоре срок кажется заведомо нереальным. Мог ли находящийся в здравом уме издатель предполагать, что Белый за четыре месяца напишет роман, особенно если было известно, что он отправляется отдыхать в Коктебель? Вряд ли.

Второй пункт просто вводит в ступор. В договоре с Булгаковым внятно сказано, что «Белая гвардия» сначала печатается в журнале «Россия», а потом

¹⁰ Это был первый договор; во втором договоре, заключенном 6 января 1925 года, в качестве издающей стороны фигурировал З. Л. Каганский. «Первый договор — Булгакова с Лежневым — послужил исходным текстом, по которому вырабатывался окончательный текст договора с Каганским» (Там же. С. 47). Он сохранился в Отделе рукописей РГБ (Ф. 562. Карт. 19. Ед. хр. 37. Л. 14) в виде черновика, в который Каганский вносил правку и уточнения. Благодарю М. В. Мишуровскую за предоставление этого документа и ценнейшие консультации.

выпускается в конкретном издательстве. В договоре же с Белым специально оговаривается, что издатель «не предусматривает сейчас, как будет издан этот роман». Оказывается, что у него даже на примете нет никакого издательства и что автору до срока не положено этим вопросом вообще интересоваться. Получается, что автор быстро сдает издателю непонятно что, а издатель это непонятно что быстро выпустит непонятно где... Кстати, срок, в который роман должен быть выпущен в свет — «не позднее трех месяцев со дня получения рукописи» — столь же нереален, как и срок, данный автору на подготовку рукописи.

Третий пункт договора самый конкретный и «жизненный» — «выплачивать Б. Н. Бугаеву ежемесячно, начиная с 1-го мая, в течение четырех месяцев, сто пятьдесят рублей золотом» — будет выполнен неукоснительно. Но и здесь обращает на себя внимание то, что аванс за роман оговорен, а гонорар за авторский лист при публикации — нет.

Все это порождает вопрос: а собирался ли «издатель» Хелминский вообще печатать роман Белого? Подозрение, что не собирался, укрепляет и последний, четвертый пункт договора, касающийся его расторжения. В договоре с Булгаковым специально отмечено, что разногласия разрешаются в судебном порядке, и это естественно, если полагать, что перед нами юридический документ. В договоре с Белым указано, что «арбитром <...> является Б. А. Вогау (Пильняк)», частное лицо и к тому же друг Белого, сведший его (по свидетельству Зайцева) с издателем.

Эти многочисленные и весьма странные отличия двух договоров происходят от одного, главного их отличия, явленного во вступительных абзацах обоих документов. В случае с Булгаковым договор заключает сам Лежнев как «ответственный редактор журнала „Россия“ и уполномоченный издательства „Художественная печать“». ¹¹ В случае с Белым — просто «Николай Эдмундович Хелминский», или, как точно выразился П. Н. Зайцев, «некто Н. Э. Хелминский», без указания его привязки к какому-либо издательству или печатному органу. Журнал «Россия» и/или издательство, его выпускающее, в договоре с Белым не упомянуты ни разу. Примечательно и то, что при переписке по поводу расторжения этого договора в декабре 1924 года, как и в самом договоре, не упоминаются ни разу ни журнал «Россия», ни его редактор Лежнев. Напротив того, «некто Н. Э. Хелминский» прямо указывает, что он являлся единоличным покупателем «Москвы»: «Б. Н. Бугаевым (А. Белым) было передано мне по договору от 14 IV с. г. право на издание его нового романа». ¹² И это не случайно, потому что подписанный Белым документ ни при каких условиях не мог рассматриваться как договор с «Россией» и с Лежневым. Он просто им не был.

Предположения о том, чем же этот договор все же был и для чего заключался, мы выскажем позже. Мысли же Белого по этому поводу не нашли отражения в письменных источниках. Как кажется, тогда суть вопроса его не очень волновала, а интересовала исключительно финансовая сторона дела — аванс, дающий возможность поехать вместе с Клавдией Николаевной отдыхать в Коктебель.

¹¹ «Художественная печать» была издательством, мягко говоря, несолидным, недооформившимся и недоразвившимся. Известны его владельцы, есть издательская марка, но неясно, выпустило ли оно хоть что-то, кроме первого номера «России» за 1924 год (*Мишуrowsкая М. В.* 1) Борьба за роман «Белая гвардия». С. 35; 2) Редактор «России»: Биография И. Г. Лежнева — архивные документы и публикации // История и архивы. 2020. № 3. С. 59–60). Может быть, издательство планировало развить деятельность, но не получилось. Тем не менее в случае с Булгаковым хоть форма договора была соблюдена.

¹² А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344.

Первая выплата в 150 рублей поступила уже 2 мая, вторая — 25 мая, и уже 28 мая писатель вместе с Клавдией Николаевной отправился в Крым. Остальные выплаты были осуществлены летом.¹³ Всего Белый получил 600 рублей, как и указывалось в договоре от 14 апреля. Сам же он свою часть обязательств не выполнил. К 1 сентября (указанной в договоре дате) не было не только текста, «пригодного для печати», но и вообще ни строчки. Более того, Белый вернулся из Коктебеля в Москву только 16 сентября, не удостоив «издателя» каким-либо объяснением этой задержки.

* * *

Нет, конечно, нельзя сказать, что Белый вообще не думал о романе и не собирался над ним работать. Он думал и собирался. Отправляясь в Коктебель, Белый захватил с собой и бумагу, и чернила, но к писанию книги так и не приступил. Он увлекся пляжными радостями (загар) и собиранием красивых коктебельских камешков. «Заняты целый день... бездельем. Б. Н. поглощен коллекционированием камней и не написал еще ни строки», — с тревогой сообщала Клавдия Николаевна П. Н. Зайцеву 4 июля.¹⁴ Более подробно метания Белого между долгом (в прямом смысле долгом) и страстью она описала в мемуарах: «Все же первое время Б. Н. пытался еще как-то бороться с охватившей его „каменной“ коктебельской болезнью и вспоминал о романе. Несколько раз собирался „взять себя в руки“ и засадить за работу. <...> Наконец, как-то за утренним чаем, в июле уже, он заявил мне с запальчивым видом:

— Решил окончательно, что писать в Коктебеле не стану, — <...> и поглядывал на меня неприязненно — будто я только и делала, что приставала: пиши да пиши. Я давно уже видела, что в глубине души сам он к себе „приставал“ все это время и что теперь перед собою оправдывается. Так бывало не раз!

Не дожидаясь ответа, бросился бурно, с жаром доказывать:

— Как еще нужно писать! Я же пишу! Мои коллекции — это и есть мой роман. Собираю себе драгоценнейший материал. Орнамент оттенков, интерференция красок: это же перспективы, и — богатейшие. Весь слог мой изменится. Не могу оборвать этих опытов. Это опыты с словом. Учусь лепке словесных ходов... Вот, посмотри... —».¹⁵

От тезиса о том, что собранные в Коктебеле коллекции камешков — «драгоценнейший материал» для романа, Белый не отречется и впоследствии: «3 месяца жизни с камушками отложились в методе подхода к слову в „Москве“; то, что я проделывал с камушками, я потом стал проделывать со словом; из 126 „коробочек“ с камнями (каждую я организовал по оттенку) сложился проф<ессор> „Коробкин“...».¹⁶

Впрочем, результатом летнего отдыха оказались не только «126 „коробочек“ с камнями», но и ценные соображения относительно будущего произведения. Так, в письме к Иванову-Разумнику от 17 июля Белый сообщает, что «предполагаемая повесть» будет «носить название или „Иван Иванович Коробкин“, или „Ив. Ив. Коробченко“ — повесть о „тусклой“ жизни», и что «в плане будущего же стоит реалистическая драма: „Анна Павловна“, а где-то вдали

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 298.

¹⁵ Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. С. 145–146.

¹⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 369 (письмо от 24–29 сентября 1926 года).

рисуеться трагедия „Доктор Доннер“». ¹⁷ Как известно, «и драма и трагедия остались неосуществленными, однако и Анна Павловна Задоптятова, и доктор Доннер нашли свое место в романе „Москва“», ¹⁸ а Иван Иванович Коробкин вообще стал его главным героем.

2. «Повесился договором с „Россией“»: И. Г. Лежнев, З. Л. Каганский и «люди добрые»

«Конец месяца грустен. Ищу работы», — отмечает Белый в «Ракурсе к дневнику» в записи за сентябрь. ¹⁹ Грусть и поиск работы, очевидно, были обусловлены тем, что деньги, полученные по договору с Хелминским, заканчивались. А это в свою очередь подталкивало к тому, чтобы заняться обещанным к 1 сентября, но еще не начатым романом.

Видимо, сразу или вскоре после приезда в Москву Белый делает первые наброски. В фонде Иванова-Разумника в Пушкинском Доме сохранилось несколько листиков с черновыми записями, среди которых — «отрывочный, конспективный набросок под названием „Коробкин“, к которому Белый впоследствии сделал приписку карандашом: „Первый листок, из которого вышла „Москва“, т. е. план, задание и все прочее; мыслилась повесть *«Жизнь И. И. Коробкина»*. Автор“». ²⁰

Мысль написать повесть «Жизнь И. И. Коробкина» сменяется идеей написать роман под названием «Слом». Его план также отложился в архиве Иванова-Разумника:

«Слом

- Глава 1. Благополучная жизнь (застал с горничной).
 2. Преступление сына (продавал книги, подлог).
 3. Подлость попечителя Округа. Война.
 4. Ревматизм. Измена жены. Сын на войне: пассивист.
 5. Революция февральская.
 6. Революция октябрьская: сын белогвардеец.
 7. Трудные годы.
 8. Жизнь за границей. (Встреча с сыном: кельнер: Свиномюнде).
 9. Возвращение: картина России. Смерть». ²¹

Как отмечено А. В. Лавровым, опубликовавшим этот документ, предварительный план глав показывает, что «основной конфликт романа должен был касаться отношений отца и сына и развиваться в русле семейной истории на фоне крупных исторических событий. <...> В плане еще нет основного сюжетного стержня „Москвы“ — темы международного заговора вокруг профессора Коробкина с целью завладеть его научным открытием; еще никак не фигурирует один из основных персонажей романа — авантюрист Мандро». ²²

«Основной стержень» появится после встречи Белого с Лежневым, которая в «Ракурсе к дневнику» датирована концом сентября: «Переговоры с Пильняком и Лежневым». ²³ Очевидно, что эти переговоры не могли не ка-

¹⁷ Там же. С. 295.

¹⁸ Там же. С. 298 (комментарий Иванова-Разумника к письму Белого от 17 июля 1924 года).

¹⁹ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 484.

²⁰ Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 39.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 484.

саться романа, о котором речь велась еще с зимы. Думается, что во время этих переговоров Белый поделился замыслом романа «Слом», а Лежнев высказал пожелания (или указания) насчет жанра будущего произведения. «Вообще „Москва“ могла бы быть совершенно другой. Только задание Лежнева: авантюрный роман — дало ей эту особую динамику и создало своеобразный прием. Иначе могло бы пойти по линии „Сер<ебряного> голубя“: тема Грибикова, Старуха, Смоленский, гоголевское, русское. „Авантюра“ выдвинула Мандро и Коробкина», — говорил Белый К. Н. Бугаевой уже после завершения книги.²⁴ И о том же писал Иванову-Разумнику: «..., *Москва*“ задумана авантюрным романом для Лежнева...».²⁵ Тогда же, видимо, Лежневым были наложены ограничения и на творческую свободу писателя, диктовавшего, конечно, веяниями времени. От Белого ожидался роман, «в котором не должны быть произнесены слова: „дух“, „душа“, „Бог“, „мистика“, „красота“ и т. д.; и в котором должна быть изображена революция (все — цензурно!)».²⁶

О событиях, последовавших после возвращения в Москву из Коктебеля, рассказано в эмоциональном письме Белого к Иванову-Разумнику от 8 декабря: «Едва ввалился в Москву в сентябре, как снова — ряд неприятнейших сюрпризов, задолженность в 60 червонцев (в счет романа, которого не мог написать в Коктебеле); с 60 червонцами долга и с 1½ червонцами в кармане (надо было платить за комнату) повесился договором с „Россией“, обязуясь ей доставить роман в 12 печ. листов в 3 месяца за гроши (5 черв<онцев> с листа в журнале и 5 черв<онцев> за напечатание отдельной книгой) <...>. Не сладко живется: ни материально, ни морально!»²⁷

В этом пассаже слишком многое не укладывается в ту картину издательской истории романа, которая сложилась к настоящему моменту на основе уже опубликованных документов (прежде всего договора с Хелминским) и весьма путаных мемуарных свидетельств П. Н. Зайцева и К. Н. Бугаевой. Откуда «задолженность в 60 червонцев (в счет романа, которого не мог написать в Коктебеле)», понятно: это деньги, полученные по договору с Хелминским. Но «12 печ. листов в 3 месяца» в договоре с Хелминским не упоминаются. Да и договором с «Россией», как мы показали ранее, документ, который подписал «некто Н. Э. Хелминский», назвать невозможно. Если доверять слову Белого и следовать логике его рассказа, то получится, что он сначала получил аванс за ненаписанный роман от Хелминского, а потом, уже «с 60 червонцами долга <...> повесился договором с „Россией“». То есть речь в письме к Иванову-Разумнику идет о каком-то другом, о втором договоре, более обязывающем, или, как выразился Зайцев, — о договоре кабальном («Для писателя такой договор носит название кабального. Однако, припертый безвыходностью положения, Белый пошел на эти кабальные условия»²⁸).

Этот второй договор так же, как и первый, отложился в фонде Белого в РГАЛИ, но ранее не привлекал внимания исследователей. А вместе с тем только он объясняет и горестные жалобы Белого на свою драматическую ситуацию, и всю последующую деловую и дружескую переписку об издательских перипетиях романа и страданиях его автора.

²⁴ Бугаева (Васильева) К. Н. Дневник. 1927–1928 / Предисловие, публ., прим. Н. С. Малинина // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 7 / Ред.-сост. А. В. Лавров. С. 249.

²⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 384 (письмо от 24–29 сентября 1926 года).

²⁶ Там же. С. 304 (письмо от 8 декабря 1924 года). На «тяжелейшие моральные и цензурные рамки» Белый жаловался Иванову-Разумнику и в письме от 10 декабря 1924 года (см.: Там же. С. 309).

²⁷ Там же. С. 304–305.

²⁸ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 51.

Прежде чем привести текст второго договора, датированного 18 октября 1924 года, важно оговорить, что за прошедшее с апреля время ситуация у Лежнева существенно изменилась. Со второго номера 1924 года у журнала «Россия» появился новый издатель — Захарий Леонтьевич Каганский (1884 — после 1957), талантливый, хищный и опытный, впоследствии скандально прославившийся заграничным изданием романа Булгакова «Белая гвардия»²⁹ и рядом других резонансных книг. Поэтому именно Каганский, а не Лежнев выступает стороной договора. При этом шаблон договора с апреля почти не изменился. Договор с Белым по форме и прописанным в нем пунктам-позициям практически повторяет тот стандарт, который был разработан ранее и применен Лежневым при заключении 10 апреля приведенного выше договора с Булгаковым. И еще: окончательное заглавие романа («Москва») на тот момент еще не было придумано, и договор заключался на издание романа «Слом».

«ДОГОВОР

Москва, 18 октября 1924 года мы, нижеподписавшиеся, Издательство журнала „РОССИЯ“ в лице Захария Леонтьевича КАГАНСКОГО с одной стороны и Борис Николаевич БУГАЕВ (Андрей Белый) с другой, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Б. Н. БУГАЕВ предоставляет Издательству „РОССИЯ“ свой роман „СЛОМ“ размером 10–15 печатных листов, для напечатания его в журнале „Россия“ в нескольких книжках и последующего издания романа отдельной книгой в количестве не свыше 5.000 экз.

2. Издательство „РОССИЯ“ оплачивает Б. Н. БУГАЕВУ за право двойного использования романа (проведение его через журнал и последующее издание отдельной книгой) из расчета 100 руб. (100) за фактически использованный гонорарный лист в 40.000 типографских знаков.

3. Б. Н. БУГАЕВ обязуется сдать не менее трех листов романа не позднее 1-го декабря сего года. Дальнейшие части романа он сдает с таким расчетом, чтобы не задерживать выход очередных книжек журнала „РОССИЯ“, в которых роман „СЛОМ“ печатается продолжениями. Весь роман в целом должен быть предоставлен редакции не позднее 1 марта 1925 года.

4. К моменту подписания настоящего договора Б. Н. БУГАЕВ получает сто рублей (100). Дальнейшие платежи производятся 15-го числа каждого месяца вплоть до 15-го апреля 1925 года.

5. Журнал и Издательство „РОССИЯ“ настоящим договором получают право эксплуатации романа до 15-го октября 1925 года. После этого срока Б. Н. БУГАЕВ освобождается от своих обязательств по отношению к журналу и Издательству и получает право продажи романа.

Примечание I: За Издательством „Россия“ сохраняются преимущественные права при заключении Б. Н. Бугаевым договора на второе издание.

Примечание II: Право перевода романа на иностранные языки остается за автором Б. Н. Бугаевым.

6. Издательство «Россия» не берет на себя цензурного риска. В случае, если роман Б. Н. Бугаева будет целиком запрещен к печати Главлитом, получаемые им, Б. Н. Бугаевым суммы рассматриваются как аванс по журналу „Россия“, каковая авансовая сумма покрывается Б. Н. Бугаевым предоставлением редакции другого оригинального и пригодного для использования литературного материала.

²⁹ Мишуровская М. В. Борьба за роман «Белая гвардия». С. 47–51.

7. В случае, если Главлитом будут разрешены к печати лишь отдельные главы романа Б. Н. Бугаева, которые могут быть использованы лишь в журнале, а для издания отдельной самостоятельной книгой недостаточны, то материал этот поступает в распоряжение редакции и подлежит дополнительной оплате в той части, которая превышает по гонорару полученные Б. Н. Бугаевым суммы.

8. По выходе романа Б. Н. Бугаев получает 25 экз. книги.

9. Все споры по настоящему договору разрешаются в судебных установлениях гор. Москвы.

10. Настоящий договор составлен в двух экземплярах, один из них хранится у З. Л. Каганского, другой — у Б. Н. Бугаева.

З. Л. Каганский

Андрей Белый (Б. Н. Бугаев)». ³⁰

Очевидно, что именно об этом договоре идет речь в письме Белого к Иванову-Разумнику, а не о договоре с Хелминским, который — обратим на это внимание — не был расторгнут, но почему-то Белого не очень беспокоил, несмотря на полученный аванс и не предоставленный текст для публикации. Именно договор с Каганским, прописывающий и объем книги, и гонорары, и ежемесячный аванс, и жесткие сроки сдачи частей романа, и судебное разбирательство в случае нарушения автором обязательств, верг Белого в отчаяние. ³¹

Впрочем, переговорив в конце сентября с Лежневым и заключив в октябре договор с «Россией», Белый не только распереживался, но и приступил к работе. «...Спешно пишу первую главу „Москвы“, — отмечает он в «Ракурсе к дневнику» в записи за октябрь. В записи за ноябрь указано: «Пишу 2-ую главу „Москвы“». ³² Однако к декабрю становится ясно, что и в новые сроки он не уложится, прежде всего потому, что в процессе написания объем первоначально задуманного произведения начал стремительно увеличиваться.

«...В таких тисках начал писать; и — обнаружилось уже: роман (если напишу, не заболевши) будет размером не 12, а минимум 24 печ. листа (шесть листов только почти готовы: в 1½ месяца!); ясно, что, имея долги и гроши в кармане <...> и дойдя с 6 печ. листами в 1½ месяца почти до нервной клиники, я не мог соблюсти договора с „Россией“...» — рисовал Белый свою драматическую ситуацию Иванову-Разумнику в письме от 8 декабря и там же рассказывал о столь вовремя подоспевшей помощи: «...теперь меня с мучительной операцией ради спасения меня и романа вырывают из „России“ (Пильняк, Воронский, Богомильский)». ³³

³⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 3–3 об.

³¹ У П. Н. Зайцева в мемуарах явно произошла контаминация двух договоров: «...так как ни одно издательство не заключало договор на произведения еще не написанные, „под замыслы“, а Лежнев был готов подписать такой договор и обязался выплачивать автору ежемесячно, кажется, сто рублей, то Белому ничего не оставалось другого. Он заключил с Лежневым договор, который очень выручил его при полном безденежье. Но договор для А. Белого был нелегок. Лежнев покупал будущий роман „Москва“, чтобы сначала пропустить его через журнал „Россия“, а потом издать отдельной книгой — и все в счет того же гонорара. Для писателя такой договор носит название кабального. Однако, припертый безвыходностью положения, Белый пошел на эти кабальные условия. Все-таки как-то, хотя бы на время, договор выручал его» (Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 51). Слова о договоре «под замыслы», который выручил Белого «при полном безденежье» и «хотя бы на время», относятся к договору с Хелминским. А слова о ежемесячных выплатах в сто рублей, о планах по публикации романа сначала в журнале «Россия», а потом отдельной книгой, да и вообще о кабальности условий, в которые был поставлен Белый, — несомненно, к договору с Каганским.

³² Белый А. Ракурс к дневнику. С. 484–485.

³³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 304.

Той же радостью Белый опять делится в следующем письме, написанном через два дня, 10 декабря: «...за это время у меня случались критические моменты; в один из этих моментов я чуть было не зарезал свой роман, связавшись договором с „Россией“ <...>; теперь меня выцарапывают люди добрые: Пильняк и Воронский».³⁴

«Люди добрые» представляли в то время Артель писателей «Круг», учрежденную летом 1922 года на паях с Госиздатом. Александр Константинович Воронский (1884–1937) был председателем правления «Круга»,³⁵ Пильняк — ответственным редактором, а Давид Кириллович Богомилский (1887–1967) заведовал издательской частью.

Воронский и Пильняк — фигуры известные, им посвящено немало глубоких работ и публикаций. А вот Богомилский до сих пор оставался в тени, не привлекая специального внимания исследователей.³⁶ Это незаслуженно. Друг Пильняка, Вс. Иванова, Есенина, он играл важнейшую роль в работе и жизни «Круга» и ключевую — в издательской истории «Москвы». А потому необходимо вкратце очертить основные вехи его богатой биографии.³⁷

3. «Как приятно, что есть люди, которых зовут „Федя“»: Давид Кириллович Богомилский

«Не забывай, что на мне лежит очень малая задача в „Круге“ — принять или не принять», — писал Пильняк К. А. Федину 12 декабря 1922 года, подчеркивая: «К печатному и финансовым делам я не прикасаюсь».³⁸ Именно этими делами, печатными и финансовыми, занимался Д. К. Богомилский. Часть его полномочий проясняется из рекомендаций Пильняка одному из авторов: «О гонораре надо списаться с управделами „Круга“, членом Артели, Давидом Кирилловичем Богомилским <...>, с Богомилским же надо столковаться и о сроках уплаты, и прочем. <...> Рассказы Ваши — присылайте, хотите мне, а лучше <...> в „Круг“, Богомилскому...».³⁹

Видимо, занимался он также учетом поступающих в издательство материалов и вообще делопроизводством. Об этом свидетельствует письмо секретаря издательства Л. И. Малофеевой Пильняку от 26 декабря 1922 года: «...прихожу в ужас от той неряшливости, с какою велось до сих пор дело приема, регистрации и хранения рукописей <...>. С Богомилским мы условились наладить самый тесный контакт, так что в этой области никаких шероховатостей, я думаю, не будет...».⁴⁰

И еще Богомилский, как и Пильняк, как и другие члены Артели, прилагал усилия к тому, чтобы позвать в «Круг» достойных авторов. Своей боль-

³⁴ Там же. С. 309.

³⁵ См. о нем: Динерштейн Е. А. А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. См. также: Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями / Вступ. статья и публ. Е. А. Динерштейна // Лит. наследство. 1983. Т. 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. С. 531–616.

³⁶ В комментариях обычно ограничиваются лаконичной фразой о том, что он сотрудник «Круга» или управделами «Круга», что явно недостаточно. Еще его изредка упоминают как знакомого С. А. Есенина: адресата дарительных надписей, корреспондента и автора кратких воспоминаний о нем (Богомилский Д. К. Есенин и издательство артели писателей «Круг» // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965. С. 340–345; переизд.: М., 1975. С. 336–341).

³⁷ Специальная статья, ему посвященная, нами готовится.

³⁸ Пильняк Б. А. Письма: В 2 т. / Сост., подг. текста, предисловие и прим. К. Б. Андроникашвили. М., 2010. Т. 1. С. 516.

³⁹ Там же. Т. 2. С. 237 (письмо И. Ф. Калининскому от 16 июня 1925 года).

⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 526.

шой заслугой он считал выход в «Круге» есенинского сборника «Стихи (1920–24)» (М.; Л., 1924) и отрывка из поэмы «Гуляй-поле», который Есенин читал дома у Богомильского в присутствии Воронского, одоббившего эту публикацию в третьем альманахе Артели писателей «Круг» (М.; Л., 1924. С. 227–230).⁴¹ Обиднейшей же неудачей ему казалось то, что из-за нелепых случайностей не удалось выпустить в «Круге» собрание сочинений Есенина.⁴²

Однако самая важная часть «компетенций» Богомильского была указана в «плашке» так называемых выпускных данных на книгах, изданных «Кругом» в 1923 году, где подробно расписывалось, в какой типографии, на каком оборудовании и каким тиражом печаталась книга, кто делал обложку и издательскую марку, кто руководил набором, отливкой гранок, версткой, брошюровкой и т. п. Длинный перечень участников издательского процесса неизменно завершался фразой: «Издание выпущено под общим наблюдением Д. К. Богомильского». И эта его роль постоянно отмечалась и изящно обыгрывалась в благодарных дарительных надписях авторов «Круга».

«Имевшему „общее / наблюдение“ за / изданием труда / сего — / товарищу Богомильскому / в память о / совместной / работе / Автор / Москва / 1923 / Май» — это написал К. А. Федин на сборнике рассказов «Пустырь» (М.; Пб.: Круг, 1923).⁴³

А это — Н. Ляшко на сборнике рассказов «Железная тишина» (2-е изд. М.; Пб.: Круг, 1923): «На добрую память словному / акушеру — с его помощью / явилась на свет эта книга — / Д. К. Богомильскому. / Сердечно Н. Ляшко. / Май 1923 г. / М<осква>».⁴⁴

«Другу книги, Давиду Кирилловичу Богомильскому с благодарностью», — присоединяется к сонму благодарящих за «общее наблюдение» Осип Мандельштам (Вторая книга. М.; Пб.: Круг, 1923; дата — «24/V/23»).

А также — Владимир Нейштадт: «Ментору моей книги / Д. К. Богомильскому / <с> благодарностью / Вл. Нейштадт» (Чужая лира. Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов. М.; Пб.: Круг, 1923; дата — «1.VI.923»).

А также — Василий Казин: «Техническому автору / этой книги / с благодарностью. / В. Казин» (Рабочий май. Стихи. М.; Пб.: Круг, 1923; дата — «13/I 1923»).

А также — Андрей Соболев: «Дорогому / Давиду Кирилловичу / с любовью книгу, / к которой он / приложил руку свою / Андрей» (Обломки. Третья книга рассказов 1920–1923 гг. М.; Пб.: Круг, 1923; дата — «Лето 1925 г.»).

И многие-много другие...

После 1923 года выпускные данные перестали воспроизводить, но роль Богомильского осталась той же: он издавал книги «Круга».

⁴¹ «Отрывок из поэмы „Гуляй-поле“ — „Ленин“ Есенин читал у меня по рукописи до его напечатания. Воронский, среди других слушавший чтение, похвально отзывался об этом отрывке, особенно ему понравилась заключительная часть, и он все повторял:

Салют последний даден, даден.

Того, кто спас нас, больше нет.

Так именно первоначально заканчивался отрывок из поэмы и в таком виде был впервые опубликован в альманахе „Круг“, № 3» (*Богомильский Д. К.* Есенин и издательство артели писателей «Круг». С. 342).

⁴² Там же. С. 342–343.

⁴³ Этот и все далее процитированные книжные автографы — из собрания Государственного музея истории литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ). Приношу особую благодарность сотрудникам библиотеки ГМИРЛИ А. Ю. Вабосову и А. А. Бабенко, которые не просто помогали, но соучаствовали в подготовке статьи.

⁴⁴ В автографе ошибочно «Д. Б. Богомильскому».

* * *

Белый, познакомившийся с Богомилским весной 1924 года, явно был им очарован. «Богомилский, коммунист, очень милый, порядочный, романтически настроенный <й> человек (я его мало знаю, но ручаюсь за его безукоризненную честность)...» — так он рекомендовал своего нового знакомого в письме к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 года,⁴⁵ доказывая, что с ним можно и нужно сотрудничать.

«Богомилский (бывший рабочий-наборщик) человек очень благожелательный, и обязательный, и культурный», — характеризовал его Пильняк в письме одному из авторов «Круга».⁴⁶

«Коммунист» и «бывший рабочий-наборщик» — два важнейших анкетных параметра, определивших жизненный путь Богомилского, его место в революции и литературном процессе 1920–1930-х годов.

Давид Кириллович (Довид Касриелевич) Богомилский родился в местечке Лысково Волковысского уезда Гродненской губернии в многодетной еврейской семье. В качестве даты рождения обычно называется 1887 год, но в его анкетах также фигурируют близкие, но другие даты: 1886 и 1888. Отец — мещанин, булочник, владелец пекарни. Образование — домашнее. В 1899 году Богомилский «был отдан в учение в слесарную мастерскую, откуда вскоре перешел в типографию учеником-наборщиком».⁴⁷ «Поступил я в типографию полуграмотным, — вспоминал он. — Недостаток образования и просто грамотности пополнял самообразованием, чтением популярных книжек, отчасти классиков и из новейших писателей — Горького, Андреева, Скитальца, Чирикова, Серафимовича и др. Это были мои первые духовные вожди».⁴⁸

В революционное движение он оказался вовлечен с юных лет: «В 1903 г., после Кишеневского погрома, впервые пробудился во мне смутный протест против окружающей общественной жизни».⁴⁹ В 1903–1904 годах Богомилский состоял в Бунде, в 1904–1905 годах — в РСДРП, с 1906 года — член Социал-демократической партии Польши и Литвы; в РКП(б) вступил только в 1919 году и был коммунистом вплоть до исключения из партии в 1935 году.⁵⁰

С юных же лет арестовывался. Первый из пяти арестов — в 15-летнем возрасте, в 1903 году по доносу следующего содержания: «Волковысский уездный исправник сообщил, что в ночь на 25 сего сентября в г. Волковыске городской Киреев, проходя по улице мимо пекарни Абрама Льва заметил в помещении оной несколько лиц, которым мещанин Довид Касриелев Богомилский читал печатанное по-русски воззвание, изданное от имени „Военно-революционной группы“ в декабре 1902 года и озаглавленное: „К офицерам“ — преступного содержания».⁵¹

В результате обыска тогда был изъят «один экземпляр возвания»,⁵² а «преступник» отправился сначала в местную, а потом «в Гродненскую губ<ернскую> тюрьму, где содержался в одиночном заключении до начала

⁴⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 296.

⁴⁶ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 237 (письмо И. Ф. Калининскому от 16 июня 1925 года).

⁴⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 41.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Ед. хр. 5061. Л. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Здесь и далее используются преимущественно, за исключением специально оговоренных случаев, материалы его анкет и автобиографии 1933 и 1934 годов (ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 41–45; Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 299. Л. 5–8).

⁵¹ Там же. Ф. 102. Оп. 2. Ед. хр. 2414.

⁵² Там же.

1904 года, после чего был выпущен из тюрьмы и отправлен на родину под гласный надзор полиции». ⁵³

Этот инцидент не образумил любителя прокламаций: «В то же время я вошел в местную еврейскую социал-демократич<ескую> рабоч<ую> организацию „Бунд“, где работал по организации подпольных кружков, массовок и проведения забастовок». ⁵⁴

После освобождения он — на подпольной работе то в Калуге, то в Карачеве, то в Брянске, то в Петербурге, то в Белостоке. ⁵⁵ Он живет по поддельным документам и обретает партийные псевдонимы. В 1906 году его кличка — «Федя», в 1907 году в Петербурге у него документы на имя Матвея Тимофеевича Козлова, в 1909–1910 годах он снова «Федя». ⁵⁶

Видимо, рассказы Богомильского о своем революционном прошлом пришлись литераторам «Круга» по вкусу и настолько их повеселили, что старая партийная кличка вновь и уже навеки к нему приклеилась. Он — «Федя» и для Пильняка, и для Вс. Иванова, и для Есенина, и для многих других. Иначе как «Федей» никто в «Круге» его, кажется, и не звал (некоторые и за пределами «Круга» обращались к нему как к Федору Кирилловичу⁵⁷). Такое панибратство, граничащее с фамильярностью, не могло не вызывать удивления. Так, в 1927 году на юбилее «Круга» В. Б. Шкловский, принадлежащий к другой компании, был настолько поражен этим «феноменом», что его шуточному осмыслению посвятил запись в альбоме Богомильского:

«Как приятно, что есть люди, которых зовут „Федя“. Как удобно и экономно! Я помню сто Викторов Борисовичей и сто Борисов Викторовичей. Куда я дену эти знания после своей смерти? „Федя“ — это экономия на 50%. Кроме того он издает книги и ему не наплевать. Между тем вообще людям сейчас даже не наплевать. Плюют они по тарифной сетке. Живут, чтобы занять площадь. Площадь это хорошо, если окна на солнце. Базис не подведу.

Виктор Шкловский
34 года моих
4 пуда 30 фунтов». ⁵⁸

Полученная Богомильским в юности профессия наборщика оказалась очень востребованной в революционном движении. Он достает шрифты, организует подпольные типографии, печатает прокламации и другую партийную продукцию, потом эти типографии обнаруживает полиция, а типографу или удается скрыться, или не удастся... Так следует из его автобиографии: «Летом 1904 г. уехал в Брянск, Орловской губ<ернии>, где поступил на работу в типографию, связавшись одновременно с местной организацией РСДРП, по заданиям которой я занимался добыванием шрифта для подпольной типографии. Осенью того же года по условиям конспирации был переброшен в город

⁵³ Там же. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211 (Автобиография).

⁵⁴ Там же. Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 299 (Автобиография).

⁵⁵ См. также: РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 22 (Свидетельство о работе в подпольной типографии в Калуге и пропаганде среди войск в 1905 году, данное его коллегой и соратником С. И. Решетовым. 22 ноября 1930); Ед. хр. 23 (Справка о революционной деятельности, составленная на основании дел Департамента полиции сотрудниками Архива революции и внешней политики РСФСР. 15 февраля 1934).

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 299. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Ед. хр. 5061. Л. 8.

⁵⁷ См., например, дарительную надпись на сборнике стихов Мальвины Марьяновой «Ладья» (М.: Типография Центросоюза, 1923), обращенную к Богомильскому и его жене: «Александр Васильев и Федору Кирилловичу Богомильским с приветом от автора! 25-го ноября 23 г.». Такое же обращение — в ее письмах (см.: РГБ. Ф. 516. Карт. 2. Ед. хр. 39).

⁵⁸ Там же. Карт. 4. Ед. хр. 30. Л. 5.

Карачев Орловской губ<ернии>, где продолжал ту же работу по добыванию шрифта для подпольной типографии.

В начале 1905 года, после событий 9 января, я был вызван в Калугу, куда приехал со значительным запасом шрифта и после оборудования подпольной типографии работал в ней наборщиком. Отпечатав несколько листов, по заданию местной группы РСДРП (по поводу русско-японской войны) пришлось оборудование подпольной типографии перевести на другое место и временно прекратить работу. Я же, по заданию организации, занимался распространением отпечатанных листовок среди войск местного гарнизона, устраивая небольшие сходки солдат в лесу. На этой работе я был арестован. <...>

Дальнейшая моя работа на протяжении 1906 года заключалась, по заданиям организации, в добывании шрифта для подпольной типографии и в работе среди войск местного гарнизона и железнодорожников. По линии союзной — в организации и проведении забастовок.

В начале 1907 года направляюсь в Петербург; по дороге был арестован (3-й раз) и, после продолжительного пребывания в Белостокском политическом управлении и в тюрьме, отправлен на родину этапным порядком, откуда бежал и ранней весной попал в Петербург и начал работать в типографии „Дело“, где по преимуществу печатались партийные издания. В Петербурге я жил нелегально под им<енем> Козлова, под каковым именем был в мае выслан из пределов Петерб<ургской> губ<ернии>. Достав себе другой документ, я оставался работать вплоть до того момента, когда во время жандармского налета на типогр<афию> было обнаружено большое количество „недозволенного“ набора, который тут же был рассыпан, а типография опечатана». ⁵⁹

В 1907 году краткосрочным арестом дело не ограничилось. Богомилский «был сослан на 2 года в Вологодскую губ<ернию>»; ссылку провел «в селе Богословском, Яренского уезда и отчасти в самом Яренске». ⁶⁰ «По возвращении из ссылки осенью 1909 года был принят на военную службу и отправлен в г. Ломжу в 14-й пехотный Олонецкий полк», откуда снова попал в тюрьму. «В начале 1910 г. я был выпущен из тюрьмы и направлен снова в казарму, где находился под специальным надзором, — вспоминал Богомилский. — Летом того же года я бежал с военной службы. Перейдя на нелегальное положение, я работал в Вильне до весны 1911 года, после чего при помощи белостокских товарищей был отправлен за границу, в Париж». ⁶¹

В эмиграции Богомилский занимался привычным делом, издательским: «В апреле 1911 года я бежал за границу. В Париже, после длительных мытарств, я стал работать наборщиком в русской эмигрантской типографии „Унион“ — „Союз“ (бульвар Араго, 48)». ⁶² В этой типографии, в частности, печаталась газета «Социал-демократ», центральный орган РСДРП. ⁶³

Летом 1913 года он «вернулся в Россию и снова пошел на военную службу». Первая мировая война обернулась для него участием в кровавых, но бесславных сражениях на Мазурских болотах, ранением, мучительным пленом и в 1918 году — побегом: «В армии генерала Самсонова, на Мазурских болотах, я был ранен и попал в плен. В военном лагере Ной-Гаммере провел около года, подвергаясь жестоким наказаниям, после чего был отправлен на работу в каменноугольные рудники в Нижнюю Силезию, где проработал более 2-х лет.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211 (Автобиография).

⁶⁰ См. его дело в Государственном архиве Вологодской области (Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 2755).

⁶¹ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211 (Автобиография).

⁶² Там же.

⁶³ См. фотографию Богомилского, сделанную в этой типографии (РГБ. Ф. 516. Карт. 4. Ед. хр. 33; в описи ошибка атрибуции: газета «Пролетарий» издавалась в Париже до 1909 года, а Богомилский появился там только в 1911 году).

Среди военнопленных я вел агитационную работу и распространял революционную литературу, полученную мною из Швейцарии. Весной 1917 г. я был арестован и снова отправлен в лагерь, где подвергался различным наказаниям. В 1918 г. я был отправлен на работу в Плес (Верхняя Силезия), откуда осенью того же года бежал, и через Австрию и Польшу попал сначала в Петербург, а затем в Москву». ⁶⁴

В Советской России Богомильский — не только революционер со стажем, хоть и невысокая, но номенклатура. Он получает «гостевые билеты» на партийные съезды, ⁶⁵ пропуск «на право входа на Красную площадь в день похорон товарища Владимира Ильича Ленина»... ⁶⁶

Сначала Богомильского используют на партийной работе. Осенью 1919 года он «был избран секретарем ЦК немецких групп РКП(б)» и в январе 1920 года «командирован ЦК в Туркестан для постановки партийной работы среди бывших военнопленных немцев», где также «работал как член президиума Туркестанского Краевого Бюро Немецких Секций РКП(б) и как заведующий отделом нацменьшинств Туркестанского Краевого Комитета РКП(б)». Однако вскоре он возвращается в Москву, чтобы заняться опять любимым делом — типографским и издательским: «Осенью 1922 года я перехожу на работу в Госиздат, где в разных должностях работал до мая 1925 года». ⁶⁷

В другой автобиографии «разные должности» прописаны более подробно: «Осенью 1922 г. я перехожу на работу в Госиздат, в качестве инструктора технического отдела, а с августа 1923 г. занял должность Зам. Зав. Техническим Отделом, а затем Заведующего тем же отделом. Одновременно исполнял должность Зам. Зав. I-ой Образцовой Типографии и Зам. директора-распорядителя той же типографии.

С октября 1924 г. занял должность Заведующего Издательским отделом Научного Сектора Госиздата, а с января по май месяц 1925 г. состоял в должности Зам. Зав. Издат. Сектором ГИЗа». ⁶⁸

В Госиздате у Богомильского был свой кабинет ⁶⁹ и, видимо, немалые полномочия. Думается, на зону его ответственности намекает дарительная надпись Н. Н. Накорякова, одного из руководителей Госиздата, на книжонке, выпущенной в том же Госиздате, видимо, тоже «под общим наблюдением Д. К. Богомильского»: «Производителю от / автора, вставшего в детство. / Н. Накоряков» (Сенькин Первомай. Рассказ из прошлого. М.; Л.: Государственное издательство, 1925 (сер. «Новая детская библиотека. Средний возраст»); дата — «29/IV-25»).

Кстати, Первая Образцовая типография, одним из руководителей которой Богомильский состоял, ⁷⁰ обслуживала прежде всего Госиздат (в ней же, кстати, печаталась и «Москва» Андрея Белого). То есть работу в «Круге»

⁶⁴ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211 (Автобиография).

⁶⁵ РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 24, 25, 26.

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 1. Л. 24 (документ присоединен к воспоминаниям о С. А. Есенине).

⁶⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211 (Автобиография).

⁶⁸ Там же. Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 299.

⁶⁹ Ср. адрес на одном из писем: «Дав. Кир. Богомильскому. Рождественка, 4, Госиздат. 41 комн.» (А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344).

⁷⁰ См.: «Удостоверение», выписанное ему 29 ноября 1923 году С. И. Решетовым на бланке «1-ой Образцовой типографии единого московского объединения предприятий полиграфической промышленности „Мосполиграф“»: «Настоящее удостоверение выдано тов. Богомильскому, Давиду Кирилловичу, в том, что он действительно является заместителем директора типографии и в отсутствие, а также по поручению последнего уполномочен решать все вопросы самостоятельно. — На т. Богомильского возложено, кроме того, представительство от типографии во всех учреждениях, контролирующих выход изданий из печати» (РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 5).

Богомильский с 1922 года совмещал с работой в Госиздате. А затем — с ответственной и опасной работой в еще одной организации, значительно более серьезной, чем Госиздат.

Богомильский «с мая 1925 года по февраль 1930 года работал в Институте Ленина Зав. Издательским отделом и техническим редактором II и III издания Сочинений Ленина».⁷¹ Судя по сохранившимся характеристикам, справлялся он с этой работой превосходно. Вот что, к примеру, говорится в справке, выданной ему Институтом В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) 17 февраля 1930 года:

«Справка

Дана сия т. Д. Богомильскому в том, что, состоя зав. издательской частью Института Ленина и техническим редактором второго и третьего изданий сочинений Ленина с мая 1925 по январь 1930 г., т. Богомильский за все это время относился к порученной ему работе с исключительной добросовестностью и полным знанием дела, проявив большую инициативу в вопросах технического оформления изданий Института и обеспечив за ними высокий технический уровень.

В частности, т. Богомильскому удалось добиться полного совпадения страниц обоих изданий, что облегчило подписчикам цитирование ленинского текста и дало значительную экономию в средствах, необходимых для третьего издания.

Член дирекции Института В. Сорин
Зав. секретариатом А. Кучкин».⁷²

Последнее серьезное место работы Богомильского — с апреля 1933 года — руководитель производственным сектором издательства «Academia».⁷³ В 1934 году он получил персональную пенсию федерального значения — по состоянию здоровья (вторая степень инвалидности; работа типографа — вредная).⁷⁴ Несмотря на болезни, он дожил до почтенной старости и умер в 80-летнем возрасте (свидетельство о смерти датировано 4 октября 1967 года),⁷⁵ сохранив прежнюю, юношескую любовь к литературе, особенно к поэзии и поэтам.

Самое примечательное в послужном списке Богомильского — это то, что работа в издательстве «Круг», которая фактически на нем и держалась, в его анкетах не упоминается.⁷⁶ В тот период, когда Богомильский — член Правления Артели писателей «Круг» и заведующий издательством, он оказывается по документам сотрудником Госиздата, Первой Образцовой типографии, Института Ленина, но только не «Круга». И Воронский, и Пильняк были расстреляны, но вряд ли факт работы с ними стоило скрывать больше, чем, к примеру, факт работы в издательстве «Academia», руководство которого также было репрессировано. А может быть, Богомильский и не числился сотрудником «Круга», но всегда был, к примеру, приставленным к «Кругу» сотрудником Госиздата? Работа и в «Круге», и в «Госиздате» началась одновременно, в 1922 году. И ведь Госиздат владел контрольным пакетом акций «Круга»...

⁷¹ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211; Ф. 533. Оп. 3. Ед. хр. 299.

⁷² РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 13.

⁷³ В дальнейшем он будет заниматься профсоюзной деятельностью.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211.

⁷⁵ РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 28.

⁷⁶ Нам удалось найти такое упоминание лишь в его ранней автобиографии, направленной в 1925 году в Учетный политотдел ЦК РКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Ед. хр. 5061. Л. 14), да и то с приложенным к ней разъяснением: «Пользуясь случаем, сообщаю Вам, что основная моя работа протекает в Институте В. И. Ленина при ЦК РКП(б) <...>; в „Круге“ же я, состоя членом Правления Артели Писателей, занимаю должность Заведующего Издательством Артели, уделяя этой работе лишь несколько часов в неделю» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Ед. хр. 5061. Л. 15).

И тем не менее не Госиздат, не Институт Ленина, а именно «Круг» был звездным этапом в биографии Богомильского. В эпоху «Круга» он — в самом центре не только литературного процесса, но и литературной жизни. «Федя» всем нужен, с «Федей» все на дружеской ноге, его все любят, ценят, благодарят, а он всем беспрестанно помогает (обширные связи в типографиях позволяли Богомильскому пристраивать книги не только в «Круг»).

Есенин оставляет на подаренных ему сборниках экзальтированные надписи: «Другу, советчику / и наставителю / Феде Богомильскому / с любовью / С. Есенин» (Стихи (1920–24). М.; Л.: Круг, 1924); «Федя! / „Я тебя, милый друг, / помнить буду“... / С. Есенин» (Москва кабацкая. Л.: [Б. и.], 1924); «Милому Другу / Феде с любовью / до гроба / С. Есенин / 2/VII 25» (Березовый ситец. М.: Государственное издательство, 1925; две недатированных дарительных надписи тоже сделаны в 1925 году).⁷⁷

Вс. Иванов посвящает «Феде Богомильскому» рассказ «Плодородие», впервые опубликованный в журнале «Красная новь» в 1926 году (№ 1. С. 56–78), а затем вошедший в сборник «Тайное тайных» (М.; Л.: Госиздат, 1926 и 1927), и любовно надписывает ему все свои книги, выходявшие в то время во множестве. Вот лишь пара из таких надписей: «Старому Великому и Верному другу / Феде Богомильскому — / со всей любовью на которую я способен, / — все работы на которые я способен. / Вс. Иванов» (Собрание сочинений. Т. 1. Партизанские повести. М.; Л.: Государственное издательство, 1928); «Дорогому другу / Феде Богомильскому / со всем сердцем / Всеволод / Февраля, 5. 925 г., Москва» (Сопки. Партизанские повести. Т. 1. 2-е изд. М.: Мосполиграф, 1924).⁷⁸

И не только Есенин с Ивановым, но и десятки других авторов, крупных и мелких, известных и заслуженно или незаслуженно забытых, спешат преподнести и надписать свои творения. Дарительные автографы, несмотря на их лаконизм, дают вполне отчетливое представление о характере той жизни, веселой и разгульной, которая бурлила вокруг Богомильского. Тогда еще все были молоды, полны творческих сил и надежд на счастливое будущее, и ни Богомильский, ни его авторы и друзья не догадывались, что вскоре одни будут посажены и расстреляны, другие — сломлены и навеки испуганы, третьи — трансформируются до неузнаваемости и будут процветать... Но в середине 1920-х годов их заботило иное. И не последнее место в этих заботах занимали «посиделки» с участием Богомильского.

«Д. К. Богомильскому — / — чтобы не забывали меня в суматошной Москве. / Евг. Замятин / СПб. 12–II–1923», — пишет Е. Замятин на оттиске повести «На куличках» из четвертого выпуска альманаха «Круг». А Б. А. Губер уж и совсем откровенно выражает и свои желания, и свои претензии: «Милому и даже милейшему / дяде Феде, гражданину Богомильскому / постоянно забывающему приглашать меня на приличествующие его имени / выпивки / — обиженный / Борис Губер. / 22/XI-28 г.» (Простая причина. Рассказы. М.: Федерация, 1928).

Весьма часто веселые компании собирались в коммунальной квартире Богомильского на Рождественском бульваре (д. 17, кв. 10). Даже его диван, засиженный гостями и кишачий блохами, оказался увековечен в дарительных надписях. Так, Н. Никитин следующим автографом украсил свой сборник рассказов «Бунт» (М.; Пб.: Круг, 1923): «Дорогому, милому, необыкновеннейшему / Феде Богомильскому, — / память дней, заседаний, ночей, когда / наверное провожали мы свою молодость — / год 1923-ий и „Круга“,

⁷⁷ Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 283, 282, 270. Благодарю М. В. Скороходова за ценные советы по «есенинской» теме.

⁷⁸ В автографе описка — Богомильскому.

и визиты к / „диванам“, / с любовью Ник. Никитин / 4.5.24 / Москва. У Феди, сиречь Давида Кирилловича! / Ночевал». ⁷⁹

Во время одного из таких сборищ у Богомильского сделал дарительную надпись и Глеб Алексеев (Мертвый бег. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923). Правда, адресована она была не хозяину дома, а госте — Ольге Сергеевне Щербиновской (1891–1975), актрисе Малого театра и второй жене Пильняка (книгу, видимо, просто забыли): «Блошиной королеве, / (она же председательница общества блоховодов при наркомземе) / Ольге Сергеевне Щербиновской / от / председателя зарубежного отделения / о-ва блоховодов / Глеба Алексеева / Число неизвестно / место тоже, диван / Богомильского с его / (!!! не блохи, а / лошади) блохами. / Декабрь. Москва. / 1923».

Сам Пильняк не преминул тоже поучаствовать в перформансе, нарисовав нечто вроде печати «Общества блоховодов» и заверив текст Алексеева подписью: «Действительности соответствует. / Показывать разрешается. / Цензор Пильняк».

Из всех авторов «Круга» именно с Пильняком Богомильского связывали наиболее тесные отношения. Пильняк постоянно обращается к «Феде» с самыми разными просьбами и поручениями, рассказывает ему, как проводит досуг в отпусках и поездках, зазывает его к себе в Коломну поговорить о разного рода делах и не только о делах:

«Давид Кириллович, родной. —

Вчера приехал из Москвы, и ужасно досажаю, что нам так глупо не удалось повидаться и потолковать с тобой в Москве. А мне хотелось и надо было побыть с тобой. <...>

И вот первое дело: — найди досуг и приезжай ко мне покурить тихо, поговорить, пошучать...» ⁸⁰

Богомильский же, конечно, и все просьбы Пильняка с готовностью выполняет, и в Коломну к нему наведывается. Их совместное коломенское времяпрепровождение выглядит совершенно идиллически: «Вчера приехал ко мне мой товарищ Давид Кириллович Богомильский, говорили о Москве и московских делах, о нашей российской глупости и ерундишках. <...> Ночью с Федей бродили по городу, ходили к реке, — какая тишина. —

А утром сегодня, чаю попив с лепешками — праздничными — из серого теста с пахтой, докурив английские мои папиросы, пошли за город, в Волчий овраг, — вышли за заставу, поставленную еще при Екатерине, и сразу попали в места, где скошенная рожь торчит, как она торчала здесь же триста лет назад. <...>

А сейчас, вернувшись, ждем обеда. <...> Я пишу вот это. А Федя читает „Кларта“, где помещена длиннейшая обо мне статья...» ⁸¹

Дарительные надписи Пильняка на книгах, подаренных Богомильскому, практически не сохранились. Богомильский их заботливо передал в 1949 году в Государственный литературный музей, но бдительные цензурно-карательные органы изъяли автографы «врага народа» из музейного фонда и уничтожили. Объем утраченного реконструируется по записям, сделанным тогда в книге поступлений. ⁸²

Однако о месте, которое занимал Богомильский в то время в жизни Пильняка, можно судить по автобиографическому рассказу 1924 года «Расплесну-

⁷⁹ Автограф опубликован как иллюстрация к публикации: Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями. С. 592.

⁸⁰ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 72 (письмо от 2 сентября 1923 года).

⁸¹ Там же. С. 70 (письмо от 26 августа 1923 года неизвестному лицу).

⁸² Было «изъято по акту» не менее 18 книг. Сведения любезно предоставлены А. Ю. Бабосовым и А. А. Бабенко.

тое время»:⁸³ в нем «Федя» выведен как задушевнейший друг, ближайший (наряду с женой и с Замятиным) советник и конфидент. «Федю» Пильняк знакомит с адресованными ему личными письмами, «Федя» — первый слушатель его произведений: «Вечером я прочту этот мой рассказ Ольге и Феде, и пусть они скажут мне, правильно ли сделал я, расплескав мое тесное время этим рассказом...»⁸⁴ Ну и, конечно, как без этого у Пильняка, — «Федя» выступает как личный его помощник, почти секретарь...

С «Федей» Пильняк обсуждает самые разные свои дела, личные, писательские, издательские. В «Круге» Пильняк и Богомильский нередко работают в тесной связке, в паре. Вместе проворачивают они и «операцию ради спасения» Белого, «вырывая из „России“» его и его роман.

4. «Операция ради спасения»: из «России» в «Круг»

В конце ноября — начале декабря 1924 года при активном участии и посредничестве Пильняка и Богомильского произошли события, изменившие издательскую траекторию «Москвы». Прежде всего это «беседа о делах „Круга“», состоявшаяся «у Пильняка». За ней 24 ноября 1924 года последовало «чтение „Москвы“» — тоже «у Пильняка»⁸⁵ в его квартире на Поварской (д. 26, кв. 8). Мероприятие проходило при большом собрании друзей и с обильной выпивкой.

«В 8 буду у Пильняка, где сегодня винно-литературное сборище: Белый читает несколько глав из романа. Будет, должно быть, порядочно народу, в том числе — может быть — Лужский и Ваш Качалов», — сообщал Е. И. Замятин жене.⁸⁶

Еще более красочно описывал предстоящее «винно-литературное сборище» сам Пильняк, зазывая на него поэта И. С. Рукавишникова и его супругу:

«Зоя Ивановна и Иван Сергеевич — родные!

Волею народов и Бориса Бугаева, интернационально (русско-немецки и по-коммунистически) устраивается у нас чтение романа оного Бугаева, а потом распой души в складчину, по бедности нашей и по братству. Хозкомиссия: О<льга> С<ергеевна> — жена моя и Федя, народ будет хороший, — расчет по приходе (ссудил капиталами оный Федя, а кассир — Ольга). Приходите. По указу оной блошей Королевы шлю поцелуй.

Пильняк-с-Поварской».⁸⁷

Трудно сказать, что присутствовавшим на «винно-литературном сборище» понравилось больше — роман «Москва» или «распой души»,⁸⁸ но чтение

⁸³ Рассказ вошел в сборник с таким же названием (М.; Л.: Госиздат, 1926 и 1927). См.: Пильняк Б. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 2 / Сост., комм. К. Андроникашвили-Пильняк. С. 478–486.

⁸⁴ Там же. С. 486.

⁸⁵ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 485. Белый допускает неточность, датируя эти события декабрем.

⁸⁶ Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. С. 277. Упомянуты Василий Васильевич Лужский (1869–1931) и Василий Иванович Качалов (1875–1948) — актеры МХАТа.

⁸⁷ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 217 (письмо от 24 ноября 1924 года).

⁸⁸ Если верить Пильняку, описавшему тот день в рассказе «Расплеснутое время», его вообще больше волновало письмо девушки, напомнившей романтический эпизод из прошлого — как они в 1919 году вместе ехали в поезде и чуть не сблизились: «Вечером мы собрались слушать

состоялось и имело, как кажется, не только культурно-просветительский и развлекательный, но и прагматический смысл. С романом впервые познакомлись и сочли пригодным для «Круга» его будущие издатели, члены правления Артели писателей Пильняк и Богомильский (а Пильняк, напомним, был еще и ответственным редактором). Воронский, очевидно, с их мнением согласился.

«„Москву“ надо было устраивать, и Пильняк предложил свою помощь в переговорах с А. К. Воронским. Близость к Воронскому делала Пильняка мощным „тараном“. Кроме того, на помощь себе он привлек других членов правления издательства „Круг“. Общими усилиями брешь была пробита. Воронский согласился заключить договор на издание двух частей первого тома романа „Москва“, — вспоминал Зайцев.⁸⁹

Далее последовала интенсивная переписка, решившая дело в пользу «Круга».

5 декабря Белый обращается к Богомильскому «с просьбой окончательно вырешить вопрос» на совещании «с редакцией „России“». Оно, как следует из письма, должно было состояться на днях. Сам Белый от переговоров с Лежневым и Каганским пытается уклониться, а Богомильскому предоставляет право поступать по его собственному усмотрению, вплоть «до разрыва договора»:

«Дорогой Давид Кириллович,

Я обращаюсь к Вам с просьбой окончательно вырешить вопрос о моем романе „Москва“; даю Вам право поступать по Вашему усмотрению вплоть до разрыва договора.

Это письмо является доверенностью и, стало быть, Вы имеете [право] показать его И. Г. Лежневу и Каганскому. Я не имею физической возможности присутствовать на совещании, которое предполагалось быть между нами и редакцией „России“. Прошу Вас известить это и И. Г. Лежневу.

Остаюсь с глубоким уважением

Б. Бугаев

5 декабря 24 года».⁹⁰

В тот же день, 5 декабря, Белый пишет и Лежневу. Письмо не сохранилось (уцелела лишь расписка о его получении кем-то из сотрудников «России»⁹¹), однако нет сомнения в том, что речь в нем также шла о расторжении договора и, вероятно, о том, чтобы все финансовые и юридические вопросы решались с Богомильским.

И в тот же день, 5 декабря, почему-то «просыпается» Хелминский, вдруг вспомнивший, что обещанный ему к 1 сентября роман «до сего времени Б. Н. Бугаевым не передан». Согласно договору, «арбитром» в подобной ситуации должен был выступать Пильняк, но Хелминский пишет не ему, а Богомильскому, давая «согласие на все, без исключения, решения и действия», которые тот сочтет нужным:

Андрея Белого. Я дал Феде прочесть письмо девушки, он тоже, как Замятин, говорил лирически по поводу него и записал себе, чтоб на утро распорядиться отослать мои книги ей» (*Пильняк Б. А. Собр. соч.* Т. 2. С. 481).

⁸⁹ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 73. Мемуарист, правда, ошибочно отнес эти события к лету 1925 года, «когда роман был фактически кончен».

⁹⁰ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее*. Вып. 15. С. 338.

⁹¹ «Письмо для Лежнева получила. 5/XII 24 г.» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 330). Под неразборчивой подписью — приписка: «Письмо А. Белого».

«Многоуважаемый Давид Кириллович,

Б. Н. Бугаевым (А. Белым) было передано мне по договору от 14 IV с/г. право на издание его нового романа. В исполнение договора я выдал ему в обусловленные сроки предусмотренную договором сумму 600 р.

Несмотря на истечение срока (1-го сентября), роман мне до сего времени Б. Н. Бугаевым не передан.

Настаивая на выполнении Б. Н. Бугаевым договора, я, зная Ваши дружественные с ним отношения, прошу Вас принять на себя урегулирование моих отношений с Б. Н. по вышеупомянутому договору, при чем настоящим письмом я даю согласие на все, без исключения, решения и действия, которые будут Вами приняты.

При сем прилагаю договор и расчетные документы.

Уважающий Вас Николай Хелминский».⁹²

Письмо Хелминского, точно совпадающее с датой обращения к Богомильскому Белого, где он заранее соглашается со всеми «без исключения» условиями, которые ему предложат, кажется письмом не издателя, но кроткого ангела. Хелминский ни разу с 1 сентября даже не поинтересовался, почему роман «до сего времени Б. Н. Бугаевым не передан». А в декабре он не требует ни романа, ни немедленного возврата денег и даже не возмущается тем, что автор заключил договор с «Россией», не разорвав договора с ним. Создается впечатление, что это письмо если не поддельное, то срежиссированное... Возможно, Богомильский раньше него обнаружил неполадки в документации и попросил Хелминского вежливо отступить. К этой неясности мы еще вернемся.

Белый же в этой ситуации гораздо менее спокоен, чем Хелминский. 8 декабря он пишет Богомильскому повторно, снова надевая его полномочиями «разорвать договор» с «Россией» и прося разобраться с его долгом:

«Глубокоуважаемый и дорогой Давид Кириллович,

В дополнение к моему письму от 5 декабря, в котором я прошу Вас взять на себя любезность вести переговоры с представителями журнала „Россия“ по делу о моем романе „Москва“, — обращаюсь с нижеследующим заявлением.

Я доверяю Вам вырешить вопрос о моем романе с И. Г. Лежневым и издателем журнала „Россия“ Каганским; и если Вы найдете нужным разорвать мой контракт с издателем журнала „Россия“, Каганским, то я не буду иметь ничего против этого разрыва.

И стало быть: уполномачиваю Вас разорвать договор. Прошу Вас также, если возможно, получить гонорар за статью мою о Валерии Брюсове, или условиться о цене гонорара. Предоставляю Вам или выплатить сполна двадцать червонцев, взятых мною, как аванс, за роман „Москва“, или ту сумму, которая приходится за вычетом следуемого мне гонорара.

Простите, что пишу не на почтовой бумаге: пишу — ночью (бумага же вся вышла). Буду Вам крайне благодарен за Ваши хлопоты.

Остаюсь искренне уважающий Вас

Борис Бугаев (Андрей Белый)».⁹³

Обратим внимание на фигурирующие в письме «двадцать червонцев, взятых <...> как аванс, за роман „Москва“». Эта сумма, по-видимому, образовалась

⁹² А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344.

⁹³ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому. С. 338–339. Упоминается статья «Валерий Брюсов (Некролог)», написанная в ноябре 1925 года и опубликованная в «России» в 1925 году (№ 4 (13). С. 263–280).

в результате выплат за октябрь и ноябрь, по сто рублей в месяц, как и было прописано в договоре с Каганским. Опять-таки, забегаая вперед, отметим, что об авансе за «Москву», полученном от Хелминского и тоже не отданном, но значительно превышающем долг «России», никто в начале декабря особенно и не побеспокоился.

Свои соображения о том, что в последующую неделю происходило между Каганским и Богомилским, выдвинул Зайцев, оговорив при этом: «Точно всех этих дел с Лежневым и Хелминским не знаю. Повторяю то, что слышал в те годы». Тем не менее свою версию он предложил: «Что касается Исаея Григорьевича Лежнева, то в деловые отношения Белого с ним вмешалось правление Союза писателей. Договор с Лежневым был, при содействии юриста, расторгнут как носящий кабальный характер».⁹⁴

Как кажется, к этому сюжету может иметь отношение недатированное и маловнятное письмо Пильняка Андрею Соболю: «Заверь письмо и дату Богомилского, написанную по доверенности Бориса Бугаева». Письмо отправлено на служебный адрес: «Тв<ерской> бульв<ар> 25, Вс<ероссийский> С<оюз> Пис<ателей>».⁹⁵ И это не случайно, так как Соболев в то время как раз секретарем правления Всероссийского союза писателей и состоял, а потому заверять документы печатью Союза входило в его должностные обязанности. Доверенностью здесь могут считаться процитированные выше письма Белого Богомилскому от 5 и 8 декабря. Возможно, Богомилский, «выцарапывая» Белого из «России», написал столь убедительное письмо, что Лежнев с Каганским вынуждены были пойти на расторжение «кабального» договора.

Не исключено, что мог вмешаться в эту историю и Воронский. Ведь Белый называл его в числе тех «добрых людей», которые спасали от кабальных уз с «Россией».

Как бы то ни было, но вся реальная работа легла на плечи Богомилского, и его «хлопоты» увенчались успехом: оба договора были расторгнуты и оба долга со временем выплачены.⁹⁶ Уже 15 декабря Белый получил следующую порцию аванса — теперь уже официально от издательства «Круг»:

«Дорогой и глубокоуважаемый Давид Кириллович,
Сто пятьдесят рублей (150 рублей) от книгоиздательства „Круг“ получил.
Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)
Москва. 15 декабря [1924]».⁹⁷

Как следует из этого письма-расписки, «Круг» увеличил Белому ежемесячные выплаты, подняв их со ста рублей (сумма, определенная Каганским) до той, которая ранее выплачивалась по договору с Хелминским, до 150 рублей. «Я теперь оправился и не слишком денежно стеснен (конечно, — относительно) <...>. И в материальном отношении, думаю, будет сноснее»,⁹⁸ — писал Белый Иванову-Разумнику.

⁹⁴ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 73.

⁹⁵ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 158. Датировка публикатора (до 14 апреля 1924 года), основанная на предположении, что это «письмо связано с подписанием 14 апр. 1924 г. договора на роман „Москва“ А. Белого с Н. Э. Хелминским (для журнала «Россия»), которое состоялось при посредничестве Пильняка», кажется нам неправильной. Если наши умозаключения верны, то его следует датировать периодом между 8 и 15 декабря 1924 года (вторая дата — получение выплаты от «Круга»).

⁹⁶ Наверное, Каганскому — за вычетом гонорара за статью «Валерий Брюсов» (см. прим. 92). Документов на этот счет, видимо, не сохранилось. Зато сохранилась расписка 1925 года о возврате части денег (400 руб.) Хелминскому (А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344). См. о ней прим. 133.

⁹⁷ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомилскому. С. 339.

⁹⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 309 (письмо от 10 декабря 1924 года).

То же думал и Зайцев: «Новый договор существенно материальных обстоятельств Белого не улучшил, хотя, очевидно, Б. Пильняк знал о его затруднениях и принял все возможные меры в его пользу. Но Бориса Николаевича радовало главное: роман будет издан».⁹⁹

Новый договор с «Кругом», о котором пишет Зайцев, если и существовал, то нами не обнаружен, и Белый о нем нигде не упоминает. Но договоренности с Богомилским точно были. Теперь срок сдачи «Москвы» отодвинулся к 1 августа.¹⁰⁰ Обязательства перед «Кругом» оказались по-прежнему тяжелы: «...недели, дни, даже часы — все размерены; подумайте: каждые 3 месяца должен поставить 6 печатных листов», однако все же полетче, чем ранее перед «Россией» («по контракту с „Россией“ был должен бы оные 6 листов поставлять в два месяца»).¹⁰¹ Да и некоторый «задел» уже имелся. Белый успокоился и обрел надежду на относительно благополучное будущее.

Тем же декабрем 1924 года в «Ракурсе к дневнику» датирована запись: «Переделываю 2 первых главы „Москвы“ и отдаю их „Кругу“». ¹⁰² Далее в тот же «Круг» пойдут остальные главы, и летом 1926 года роман будет выпущен тиражом 4000 экземпляров, в июне — первая часть «Московский чудак», в августе — вторая часть «Москва под ударом».¹⁰³

Вроде бы все, история закончена, спасение подоспело вовремя, и Белый в последний момент смог удачно сменить издателя и издательство. Такова внешняя канва событий.

Однако если взглянуть на эту историю более пристально, то переход в «Круг» покажется не столько неожиданным, сколько предreshенным, а в операции «добрых людей» по спасению Белого от «кабального» договора ключевым словом станет не «спасение», а «операция». Поэтому вернемся к началу сюжета, его хитросплетениям и действующим лицам.

5. «Некто Н. Э. Хелминский»

Итак, в январе 1924 года Белый и Лежнев ведут разговоры о еще не написанном романе Белого. Лежнев хотел бы его издать. Белый — получить не только гонорар, но и аванс, на который он мог бы жить. Однако договор, предполагающий немалые выплаты, 14 апреля 1924 года заключает с Белым не Лежнев и не журнал «Россия», а «некто Н. Э. Хелминский». Здесь сразу возникают как минимум два резонных вопроса.

Первый — почему Лежнев тогда не заключил с Белым такой же договор, какой он заключил четырьмя днями раньше с Булгаковым? Самый простой ответ — отсутствие денег. Их и на издание «Белой гвардии», к моменту подписания договора уже законченной, не хватало. Платить же аванс за еще не начатый роман Лежнев просто не имел возможности.¹⁰⁴ Когда же абрис будущего произведения Белого стал проясняться (появился план и название — «Слом»), договор заключили.

⁹⁹ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 73.

¹⁰⁰ Это следует из сентябрьского письма Белого к Богомилскому: «...за лето я отработал уже более 150 страниц трудной для меня художественной формы; и не удивительно, что не поспел к 1-ому августа с концом» (А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомилскому. С. 340).

¹⁰¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 309 (письмо от 10 декабря 1924 года).

¹⁰² Белый А. Ракурс к дневнику. С. 485.

¹⁰³ Лавров А. В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988. С. 799.

¹⁰⁴ См. об этом: Мишуровская М. В. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. С. 32–46.

Второй вопрос представляется более интересным и важным: а кто такой, собственно говоря, этот Хелминский, заключивший вместо Лежнева с Белым столь странный, похожий на «филькину грамоту» договор, по которому писатель, тем не менее, получил довольно внушительную сумму денег? Откуда он вообще взялся?

На литературной карте России Николай Эдмундович Хелминский следов оставил немного, почти никаких. Сведения, которые удалось о нем собрать, до крайности скудны. В справочниках «Вся Москва», где он значится то как Хельминский, то как Хелминский, указаны его адреса (в 1924 году — 2-я Мещанская, д. 4,¹⁰⁵ с 1926 года — ул. Вознесенская, д. 3, кв. 1), а также род занятий. В 1926–1928 годах он фигурирует как «влад. торг.», т. е. как владелец какого-то торгового предприятия. Это не противоречит замечанию Зайцева, вспоминавшего, что «этот Хелминский имел контору в Китай-городе».¹⁰⁶ Уже приводимое ранее его письмо Богомильскому от 5 декабря 1924 года напечатано на именном типографском бланке, однако никакой информации, кроме имени, отчества и фамилии, на нем нет.¹⁰⁷

Логично было бы предположить, что в 1924 году Хелминский — сотрудник Лежнева или его компаньон,¹⁰⁸ но никаких пересечений между ними нам обнаружить не удалось. Зато с уверенностью можно сказать, что Хелминский был тесно связан со «спасителями» Белого из Артели писателей «Круг».

«Он очень хороший, и друг мне...» — писал Пильняк одной из своих корреспонденток в марте 1924 года, прося передать Хелминскому благодарность за какую-то услугу: «У меня есть телефоны Николая Эдмундовича, — и нет его адреса. Позвоните ему, поклонитесь ему, <...> и спасибо ему, — по-хорошему скажите ему об этом».¹⁰⁹

Хелминский, напротив того, адрес Пильняка знал, бывал дома у него и его второй жены Ольги Щербиновской, где, в частности, познакомился с ее подругой Луизой Александровой, тоже актрисой Малого театра. Встретив ее в Киеве в 1926 году, Хелминский даже хотел было за ней приударить, но усовестился: «Здесь сейчас гастролирует группа артистов Малого театра. Среди женщин Луиза — девушка. Можно было бы повидаться, напомня о встрече у Б. А., но она сама очень неинтересна, а использовать встречу с ней, чтобы познакомиться с кем-либо поинтересней — неудобно, и сложно — нет времени».¹¹⁰

Сохранилось письмо Пильняка от 21 июня 1924 года «Феде и Николаю Эдмундовичу» (т. е. Богомильскому и Хелминскому), в котором он подробно рассказывает о своем отдыхе на Волге в Саратовской губернии в Шиханском лесничестве («это письмо есть отчет о моих делах и днях»), просит связаться со своей тещей, матерью О. С. Щербиновской, интересуется общими знакомыми («всем друзьям поклон, — и где Есенин и Иванов, — об обоих о них соскучился»).¹¹¹

¹⁰⁵ Этот адрес Белый указывал в письмах к П. Н. Зайцеву от 7 и 12 июля 1924 года, прося с ним связаться (Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Подг. текста и прим. Дж. Малмстада // Зайцев П. Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи. С. 374, 375).

¹⁰⁶ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 58.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 342. Л. 3.

¹⁰⁸ Так он представлен в комментариях к письмам Пильняка, однако доказательств тому не представлено, а выводы сделаны по контексту, который может ввести в заблуждение (см.: Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 90, 151).

¹⁰⁹ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 151 (письмо к В. Е. Кунджи от 21 марта 1924 года).

¹¹⁰ РГБ. Ф. 516. Карт. 3. Ед. хр. 21. Л. 3–3 об. (письмо Н. Э. Хелминского Д. К. Богомильскому от 3 июля 1926 года). Упоминается актриса Луиза Федоровна Александрова (урожд. Вагнер; 1892–1955).

¹¹¹ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 167.

Через два года, в марте 1926-го, Хелминский окажется в числе тех друзей, с которыми Пильняк восторженно и хвастливо будет делиться впечатлениями от экзотики Харбина и рассказывать о своей полной удовольствий и не ограниченной строгими рамками приличий жизни:

«Всеволод, Федя, Глеб, Эдмундыч, актеры, писатели, други.

<...> какая невероятность и прелесть — китайские обеды, где ели мы червей, маленьких драконят, яйца зеленые до прозрачности, такие, которые тухнут несколько лет в земле, прежде, чем их начинают есть, — черт его знает, какая прелесть — японские чайные домики, <...> где сидели мы на циночках, без башмак, а нас ублажали гейши (мне, в частности, как человеку «умственного труда» гейша делала массаж головы, весь череп измяла), и мы ели морские водоросли... что в китайский публичный дом ходили мы с Ольгой совместно, и нам там пели и играли на совершенно непонятных инструментах... что в кумирнях такие сидят боги, каких я не охоч даже во сне видеть. Черт его знает, как неудобно русскому человеку ездить на рикшах <...> (меня вы теперь не узнаете: шляпа а-ля черт, — штаны, — башмаки, — пальто — — —)».¹¹²

Очевидно, что адресаты такого «неофициального» отчета о поездке, организованной Госиздатом, — люди совсем близкие, те, с кем Пильняк «на ты». Но если Всеволод Иванов и Глеб Алексеев названы просто по именам, Богомильский — приклеившейся к нему партийной кличкой «Федя», то Хелминский — уж вовсе игриво: «Эдмундыч», что свидетельствует о сугубой, почти фамильярной близости.

В неопубликованной части воспоминаний Богомильского о Есенине рассказывается о двух «есенинских» вечеринках, происходивших на квартире самого Хелминского: «Не могу припомнить, к какому именно времени относится очень интересная встреча с Есениным на вечере у Николая Эдмундовича Хелминского, на Разгуляе, только помню, что была там актриса Ольга Андреевна Жизнева, актер МХАТ 2 Виктор Павлович Ключарев, очень хорошо читавший стихи Есенина, и старшая сестра поэта Екатерина Александровна, вместе с которой поздней ночью мы пешком возвращались домой...

Припоминаю еще об одной встрече у того же Хелминского, относящейся к осени 1924 года, на которой, правда, самого Есенина не было, но встреча была посвящена ему.

Имея при себе полученную мною из Тифлиса, где находился тогда Есенин, вырезку из газеты „Заря Востока“ с его стихотворением „Стансы“, я с наслаждением прочитал это стихотворение. Должно быть, плохо читал... Это было видно по лицам моих слушателей, среди которых были такие выдающиеся артисты, как Алексей Денисович Дикий и Ольга Андреевна Жизнева.

Вспоминая об этом, я до сих испытываю чувство большой неловкости».¹¹³

Получается, что у Хелминского был достаточно обширный круг знакомств в литературной и театральной среде. Да и суждения его о литературных новинках, правда относящиеся уже к началу 1930-х годов, можно считать вполне здравыми и даже остроумными:

«Читаю мало. Только с напряжением, обсасывая слова, смакуя детали, ожидал с нетерпением следующей книжки „Нового мира“. Мы с Верой прочитали „Скутаревского“.

Попадались мне отдельные критические статьи, заметки об этой книге. Может быть, я пристрастен к Леонову (он покоряет меня меткостью, свежестью, насыщенностью языка, яркостью деталей, растешь, когда читаешь его,

¹¹² Там же. С. 256–257 (письмо от 4 марта 1926 года).

¹¹³ РГБ. Ф. 516. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 12. Упомянуты актеры Ольга Андреевна Жизнева (1899–1972), Виктор Павлович Ключарев (1898–1957) и Алексей Денисович Дикий (1889–1955).

острее все видишь, жалеешь, что книга скоро окончится), но все нападки на „Скутаревского“ мне кажутся лаем на слона.

А так перелистываешь „Красную Новь“ или „Новый Мир“, не втягивают вещи. Либо пусто и вычурно, либо фотографически, очерково, нарочито производственно или колхозно. Лидинская „Могила неизвестного солдата“ так себе, а начатый печатанием „Великий или Тихий“ — пока скучен.

Но повторяю — я случайно просматриваю журналы и прошу Вас в первом же письме напишите, что было хорошего и что стоит в первую очередь. Да — „О'кэй“ сначала роман, сначала Пильняк, а конец — 4-ая страница из „Экономической жизни“. Неужели Пильняк не даст вещи? Вс. Иванов в большом почете, но что он написал? Тоже скажите, что почитать».

Приведенные оценки — из письма Хелминского к Богомильскому от 1 марта 1933 года.¹¹⁴ Если с Пильняком его связывали все же приятельские отношения, то с Богомильским — действительно тесная, трогательная, многолетняя дружба. С женой Богомильского Александрой Васильевной Балашовой (1892–?) Хелминский тоже был в близких отношениях, которые поддерживались и тогда, когда Богомильского не было в Москве: они созванивались, навещали друг друга, она делилась очень личными переживаниями, он ухаживал за ней, как за тетей... («Уже была в понедельник Ал. Вас. и рассказала Вашу последнюю привокзальную размовку...»; «Сегодня был у Ал. Вас. (она молодец, как только я созвонился с ней, приехала к нам; но переменяла ботики — я ей сегодня возил их)»). Может быть, он вообще приходился жене Богомильского родственником?

Из писем Хелминского Богомильскому вырисовывается вполне обаятельный психологический портрет: Хелминский всегда всем доволен, любит жизнь и ее радости, смотрит вперед с неизменным оптимизмом («Наша жизнь дружна и безоблачна»; «Настроение у меня прекрасное. <...> Словом — живем хорошо, чего и Вам, как говорится, желаем»). В социальном, бытовом и финансовом плане он более чем благополучен, ему строят дачу, дают жилплощадь («С материальной стороны я вполне устроен и жалование получаю (вернее получал, потому что сейчас идет некоторое общее снижение) почти максимальное 650 р., имею всякие прикрепления»; «Я получил комнату — как Ваша столовая — в новом доме за Савеловским вокзалом. Жена работает, есть нянька»).

В письмах много говорится о семейных проблемах (и их удачном разрешении),¹¹⁵ о желании встретиться («Так соскучился о Вас, что готов чуть ли не объясняться в любви»), душевно поговорить и непременно выпить (без последнего не обходится практически ни одно письмо: «Во-первых, скорей хочу Вас повидать, во-вторых, выпить и поговорить. Водку я пью по-прежнему при всяком случае и с удовольствием»; «Пил за Вас, думал о Вас»).

О том, чем Хелминский занимался и хотел бы заниматься в 1920-е, можно не столько судить, сколько догадываться по письму от 17 мая 1928 года, в котором он излагает свои «новые мысли о работе с осени»: «Я думаю, если не

¹¹⁴ Там же. Карт. 3. Ед. хр. 21. Л. 15 об. — 16. Вера — вторая жена Хелминского. Упоминаются опубликованные в начале 1930-х годов романы Л. М. Леонова («Скутаревский»), В. Г. Лидина («Могила неизвестного солдата», «Великий или Тихий») и Б. А. Пильняка («О'кэй»). Вся далее приводимая информация — также из писем Хелминского Богомильскому; они отложились в той же единице хранения, поэтому ссылки не повторяются.

¹¹⁵ Ср. в одном из писем: «В семейной жизни — я в апреле <19>31 г. разошелся с Лид<ией> Вл<адимировной> и с июня <19>31 г. я в новом браке. Моя жена — Вера Федоровна — моя бывшая сослуживица. Живем исключительно дружно, преданно, сознательно, серьезно. В прошлом году у нас родился ребенок (Николай, ему сейчас 8 месяцев; переживания, проблемы с Аликом, сыном 7 лет от первой жены, с которым все хорошо разрешилось»).

найду ничего интереснее, искать представительство на Москву от какой-либо крупной провинциальной типографии или провинциального полиграфического комбината. Так как я смогу получить заказы, достать бумагу, то я наверное буду полезен. К тому же это дает некоторое приближение к издательской работе — работе, которую я бы хотел сделать своей профессией».

Вслед за «новыми мыслями» следуют просьбы: «1) Напишите мне, какие у Вас есть книги (и где они лежат) или какие я могу купить — руководства по типографскому ремеслу и делу (гл<авным> обр<азом> калькуляции).

2) Если случайно Вы кого-либо из руководителей таких типографий или полиграфкомбинатов встретите на Кавказе, прощупайте <основные?> условия вознаграждения: небольшое жалование 100–150 р. и %. Договор должен быть сложный: с одной стороны гарантирующий им доставление много заказов (и бумаги), с другой стороны гарантирующий мне срок 1–2 года работы при соблюдении мною количества и качества оговоренных заказов».

Получается, что издательское дело Хелминского все же привлекало, но в 1928 году он еще только собирался его осваивать — по руководствам, взятым из домашней библиотеки Богомильского. Зато в качестве своих полезных навыков он не без некоторой амбициозности рекламирует умение доставать бумагу (дефицитный товар) и заказы на печатание продукции для типографий и полиграфкомбинатов. Может быть, в этом качестве друг Хелминский и был привлечен к проекту по изданию романа Белого «Москва»? Это не противоречит общей картине, но вот только зачем? Богомильский и сам умел доставать бумагу, а его связи с московскими типографиями были обширнее и крепче, чем у кого-либо другого. Как бы то ни было, но издателем Хелминский как не был в 1924 году, так и не стал после. Видимо, в 1928 году он не нашел работы, которую тогда «хотел сделать своей профессией». К тому же НЭП с его расцветом частного предпринимательства близился к концу и «компетенции» Хелминского утрачивали свою ценность.

Если верить справочнику «Вся Москва», то в 1929 году он — сотрудник Всероссийского союза промысловой кооперации. Впрочем, ненадолго. «...Три последних года я работаю экономистом в промышленности, сейчас в машиностроительной», — сообщает он в 1933 году. В том же 1933 году Хелминский получил высшее образование: «Два-три года назад я стал учиться — решил окончить Инженерно-Экономический Институт, чтобы и знаниями подкрепиться, и диплом иметь и легче и серьезнее работать в промышленности...».

На новой стезе, не связанной ни с литературой, ни с типографским процессом, он, как кажется, весьма преуспел: «Самочувствие у меня прекрасное, закончил с Институтом, теперь нахватываю разных работ (знаете, — семья, дети, сам, скотина...) и думаем начать более разнообразный образ жизни: период строительства закончен, начинается освоение, думаем с В. Ф. поучиться танцевать и начинать развлекаться».

Что с ним стало дальше, нам неизвестно.

Обобщим сказанное.

Хелминский — вальяжный, неплохо устроившийся в Советской России культурный молодой человек. Литературой он интересовался, но к организации литературного процесса отношения, видимо, не имел, а издателем точно не был. Его не знал до заключения договора Белый, ничего о нем не слышали и люди из ближайшего окружения писателя. Зато он был дружен с Пильняком и Богомильским, которые вместе работали в издательстве «Круг» и в итоге выпустили в «Круге» «Москву» Андрея Белого.

Есть принципиальная разница между чьим-то другом и чьим-то «человеком», ставленником. Хелминский, очевидно, не просто друг Пильняка и Богомильского, он — их «человек». Здесь уместно снова привести слова из

мемуаров Зайцева о появлении Хелминского у Белого: «С ним свел Борис Николаевича, возможно, Борис Пильняк».¹¹⁶ И Пильняк же выступил арбитром заключенного с Белым странного договора (т. е., как минимум, он знал содержание подписанного 14 апреля 1924 года документа, а возможно, имел касательство к его составлению). Также напомним, что Богомилский стал доверителем Хелминского при полюбовном расторжении этого договора.

Представляется, что на этом этапе Пильняк, Богомилский и Хелминский действовали вместе, как слаженное трио. Точнее, Пильняк и Богомилский действовали, а Хелминский, их «человек», выступал как подставное лицо.

Для чего же в этой странной конфигурации потребовался замещающий Лежнева Хелминский? Опять-таки повторим, что единственная реальная, конкретная часть его договора с Белым состояла в обязательствах по выплате аванса. Можно было бы предположить, что Хелминский (он ведь был как-то связан с торговлей) имел больше денег, чем, например, Лежнев, и согласился по просьбе друзей субсидировать Белого под замысел ненаписанного романа. Однако анализ производимых по договору с Хелминским выплат это предположение опровергает. В финансовых операциях Хелминский также оказывается подставной фигурой. Рассмотрим, как они происходили.

6. «В счет гонорара за роман»: Хелминский или Богомилский?

Итак, 14 апреля 1924 года Хелминский обязался «выплачивать Б. Н. Бугаеву ежемесячно, начиная с 1-го мая, в течение четырех месяцев, сто пятьдесят рублей золотом».

Первая выплата поступила в оговоренный срок. Об этом свидетельствует сохранившаяся расписка. Но вот что странно: деньги «в счет гонорара за роман» Белый получил не от Хелминского, а... от Богомилского, хотя вроде бы ни к роману, ни к договору он тогда отношения не имел: «Получил пятнадцать (15) червонцев в счет гонорара за роман от Давида Кирилловича Богомилского 2 мая <19>24 года. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый)».¹¹⁷

Или же имел?

Точно так же не Хелминский, а Богомилский в конце мая передал Белому деньги за июнь: «Получил пятнадцать червонцев в счет гонорара за роман от Давида Кирилловича Богомилского. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). 25 мая <19>24 года».¹¹⁸

А вот с деньгами за июль возникла проблема, частично обнажившая мутный механизм финансирования замысла Белого.

По дороге в Крым писателя обокрали, и это обстоятельство заставило его заранее требовать выплаты, но опять-таки не от Хелминского, а... снова от Богомилского. Уже 6 июня, менее чем через неделю после приезда, он дает подробные инструкции Богомилскому, как и куда слать деньги, чтобы они не затерялись:

«Глубокоуважаемый и дорогой Давид Кириллович,

<...> Очень прошу 1-го июля выслать деньги *денежным письмом*, а не переводом. В Феодосии мало денежных знаков и их не выдают. Можно получить деньги лишь при помощи денежных писем. Письмо адресуйте: Крым.

¹¹⁶ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 58.

¹¹⁷ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344.

¹¹⁸ Там же.

Феодосия, дом Айвазовского. М. А. Волошину для Бор. Ник. Бугаева. И, если можно, пришлите, хоть на черв<онец> мелочи: почти невозможно разменять. <...> Остаюсь искренне преданный Б. Бугаев». ¹¹⁹

15 июня просьба выслать аванс денежным письмом (т. е. письмом с денежным вложением и пометой на конверте о пересылаемой сумме; оно получалось под расписку) повторяется, но более настойчиво и с подробным описанием своих бедствий:

«Знаете ли, что меня при выезде из Москвы обокрали; исчезли ремни [так!] с множеством вещей; и с ними 7 червонцев, которые я нарочно припрятал в ремни ввиду того, что на южных дорогах бывают случаи ограбления поездов (мне говорили, что тогда осматривают бумажники, а не смотрят ручных вещей); я переусердствовал, засунул часть денег в ремни; и эти вот ремни у меня стащили с извозчика; ввиду этого я особенно жду, что Вы мне вышлете 15 червонцев 1-го июля; и при этом вот какая просьба; высылайте не денежным переводом, а *денежным письмом* <...>.

Остаюсь искренне расположенный и уважающий Вас Борис Бугаев

Коктебель 15 июня <19>24 года». ¹²⁰

В конце июня Белый снова, уже в третий раз обращается к Богомильскому с той же просьбой: «Первого июля, пожалуйста, вышлите гонорар, но непременно *денежным письмом, а не переводом*...». ¹²¹

Но Богомильского нет в Москве. Белый, кстати, зазывал его в Коктебель, но тот, видимо, предпочел другое место для отдыха. ¹²² И вот что опять-таки и любопытно, и показательно: на письма, адресованные Богомильскому на его домашний адрес (Рождественский бульвар, д. 17, кв. 10), неожиданно отвечает Хелминский. Очевидно, что корреспонденцию передала жена Богомильского Анна Васильевна, с которой Хелминский, как мы писали ранее, был в теснейших отношениях.

3 июля «денежное письмо» Хелминский отправляет в Крым:

«Многоуважаемый Борис Николаевич,
В исполнение нашего договора пересылаю при этом письме Вам 150 р.
Шлю Вам пожелания отдыха и работы.
Уважающий Вас Н<иколай> Х<елминский>». ¹²³

Однако почта работает плохо, Белый ей не доверяет и потому, не дождавшись ответов на свои просьбы, пытается решить проблему через другие каналы.

После 15 июня он пишет и Пильняку. ¹²⁴ Это письмо пропало, но из последовавшего 21 июня 1924 года ответа Пильняка можно предположить (хотя бы по

¹¹⁹ Там же. С. 335–336.

¹²⁰ Там же. С. 336–337.

¹²¹ Там же. С. 338.

¹²² См. то же письмо от 15 июня 1924 года: «Вот уже 2 недели, как я в Коктебеле; здесь — изумительно; и жизнь течет нормально; и природа оказалась соответствующей мне; и погода нам благоприятствует. Если собираетесь в Крым, — навестите меня; я здесь, вероятно, пробуду до 1-го сентября: не имеет никакого смысла уезжать отсюда ранее. <...> И во всяком случае жду Вас в Коктебеле, если Вы будете в Крыму» (Там же. С. 336–337).

¹²³ Там же. С. 342.

¹²⁴ Ср. в письме Богомильскому от 15 июня 1924 года: «Буду писать на днях Борису Андреевичу Пильняку <...>» (Там же. С. 336).

упоминанию Хелминского), что среди прочих вопросов Белым был задан и вопрос об авансе: «Ни от Хелминского, ни от Феди ни одного письма не получил я, — и сам, по правде говоря, не написал никому ни строчки: днями сижу за моим романишком <...>. Прости меня».¹²⁵

Пильняк в то время тоже отдыхал — в Саратовской губернии, в Шиханском лесничестве, где не было железной дороги и плохо работала почта. Вникать в проблемы Белого и разрешать их он в тот момент не мог, да и не хотел.¹²⁶ Но и Белый не мог и не хотел успокаиваться.

7 июля он объясняет свою бедственную ситуацию верному другу Зайцеву и дает указания, как и через кого добиться выплаты аванса. И здесь впервые в качестве финансирующей Белого инстанции появляется Госиздат: «Милый Петр Никанорович, у меня к Вам, конечно, и „увы“, — ряд просьб. <...> у меня нет денег (ведь меня на пути на вокзал обокрали: украли ремни [так!], в которых были белье, две подушки, плед, одеяло, кое-какая одежда, сапоги, зонтик и 7 червонцев, которые я засунул [туда]); в Коктебеле кое-какие были расходы экстр; и в результате всего сейчас живем на последние пять червонцев; поэтому: прошу очень Вас до отъезда Вашего из Москвы осведомиться по телефону у Каллистраты Анищенко (Москва, Рождественка, 4, Госиздат, ред<акция> журн<ала> «Книга о книгах») посланы ли мне 15 червонцев, которые я должен был получить в начале июля; в случае, если оной не окажется, то позвоните по телефону к Николаю Эдмундовичу Хелминскому (Вторая Мещанская д. 4 кв. 10, тел. 4-73-47) и спросите у него: высланы ли мне заказным денежным письмом 15 червонцев (по переводу в Феодосии деньги не выдают); и если не высланы, то чтобы *скорей* выслали, ибо *денег нет вовсе* (эти деньги — аванс за роман, который должен представить)».¹²⁷

Сомневаясь в том, что его отчаянное письмо получено, Белый 12 июля повторно пишет Зайцеву, вновь прося позвонить Хелминскому и справиться о деньгах в Госиздате «у тов. Каллистраты Анищенко»:

«Дорогой Петр Никанорович, получили ли Вы мое письмо с рядом просьб? Пользуясь случаем еще раз повторяю их. Вследствие того, что меня обокрали, теперь сижу без денег. 15 червонцев (аванс за роман), которые должны были мне выслать к 1 июля, я до сих пор не получил; сижу в критическом положении.

<...> Самое важное: уведоьте Николая Эдмундовича Хелминского (а может быть, Холминского),¹²⁸ что я в критическом положении жду присылки 15 червонцев (нечем платить за пансион); его телефон 4-73-47 (Вторая Мещанская д. 4 кв. 10); если его нет в Москве, то, милый, справьтесь у тов<арища> Каллистраты Анищенко (Москва, Рождественка, 4, Госиздат, ред<акция> журн<ала> «Книга о книгах»), высланы ли деньги; и если нет, то чтоб немедленно выслали, ибо сижу совершенно без денег. Ради Бога, выручите меня. Простите за беспокойство».¹²⁹

¹²⁵ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 166. О прочих вопросах, которые могли затрагиваться в этом письме, см. далее и прим. 194.

¹²⁶ В тот же день, 21 июня, Пильняк все же написал письмо, адресованное одновременно и Хелминскому, и Богомилскому, с подробным и очень эмоциональным рассказом о своем летнем времяпрепровождении. В этом письме (его начало цитировалось выше) не только не говорится о проблемах Белого, но и вообще нет упоминаний имени писателя. См.: Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 167–168.

¹²⁷ Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. С. 373.

¹²⁸ В предыдущем письме Белый также проявил показательную нетвердость в знании фамилии своего «издателя»: ошибка в автографе («Холминский») была исправлена публикатором, хотя и оговорена в примечаниях.

¹²⁹ Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. С. 375.

В тот же день, не надеясь уже и на Зайцева, Белый, видимо, впервые сам пишет Хелминскому, извиняясь за свою настойчивость и ссылаясь на недавние договоренности с Богомильским и Анищенко (их письма не сохранились или не выявлены):

«Глубокоуважаемый Николай Эдмундович,

Давид Кириллович Богомильский в письме мне сообщил в ответ на мою просьбу, что перешлет мне к началу июля 15 червонцев (по условию нашего с Вами договора); кроме того: от тов. Анищенко я получил соответствующее уведомление, что в первых числах июля я получу деньги. Между тем: до сих пор денег нет. Я не обращался бы к Вам так настоятельно, если бы в мае меня не обокрали, и деньгами, и вещами; поэтому в настоящее время я чрезвычайно нуждаюсь, должен платить за пансион и т. д.; между тем: единственный ресурс получаемые мною по договору 15 червонцев к первому июлю. Если Вы еще не выслали их, то немедленно вышлите денежным письмом по следующему адресу: Крым, Коктебель, дача Волошина. М. А. Волошину для Б. Н. Бугаева (Андрея Белого). Если же деньги были своевременно высланы, а я не получаю их вследствие дефекта почты, то телеграфируйте мне об этом, дабы я мог исследовать на месте (здесь часты путаницы). Я очень беспокоюсь, ибо сижу без денег, отрезан от Москвы и т. д. Злосчастная кража у меня денег в мае непредвиденно поставила меня в положение вполне зависеть от денежной высылки. Жду с тревогой от Вас известий.

Примите уверение в совершенном уважении Борис Бугаев (А. Белый)». ¹³⁰

В этих письмах есть несколько занятных моментов. Во-первых, становится уже совсем очевидно, что Лежнев и журнал «Россия» не имели никакого отношения к деньгам, получаемым Белым в качестве аванса. Во-вторых, оказывается, что в цепочке людей, действительно имевших отношение к выплатам, Хелминский занимает последнее место. Обратиться к нему напрямую Белый решил только после трех писем Богомильскому и двух Зайцеву. Любопытно, что в первом письме Зайцеву Хелминский в списке отправителей денег идет не первым, а лишь вторым номером. Сначала же о деньгах надо было «осведомиться по телефону у Каллистраты Анищенко», и только «если оной не окажется», обратиться к «издателю». Хелминский, как видно, вообще включился в финансовые отношения с Белым только из-за отсутствия Богомильского в Москве...

Судя по всему, Белый не догадывался, что «тов. Анищенко» — не женщина Каллистрата, а мужчина, малоизвестный украинский писатель Каллистрат Романович Анищенко (Онищенко; 1885–1929), некоторое время работавший в Москве. Очевидно, что Белый с ним никогда лично ранее не общался, а «осведомиться» у него кто-то посоветовал. Этим советчиком наверняка был Богомильский: Анищенко с «дядей Федей» (иначе он Богомильского в письмах не называл) связывали и работа в Госиздате, и долгая неформальная дружба. ¹³¹ Видимо, уезжая из Москвы на летний отдых, Богомильский попросил своего коллегу его подстраховать или доделать то, что не успел сам.

¹³⁰ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 342.

¹³¹ «Дорогой и милый дядя Федя! Напился чаю, сижу в Вашей библиотеке и одолевает меня смертельная тоска. <...> все так просто на этом свете — и тихий Ваш кабинет может превратиться в гроб повапленный», — писал Анищенко Богомильскому 4 марта 1924 года, по-видимому придя к нему домой, но не застав хозяина (РГАЛИ. Ф. 1607. Оп. 1. Ед. хр. 2). Анищенко упоминается в мемуарах Богомильского в числе гостей, приходивших к нему слушать Есенина (Богомильский Д. К. Есенин и издательство артели писателей «Круг». С. 341).

В этой связи возникает следующий вопрос, более серьезный, чем вопрос о том, какого пола был «тов. Анищенко»: откуда Белый получал деньги в счет ненаписанного романа? Из майских расписок видно, что передавал их Белому Богомильский, а из июльских писем — что деньги получались в Госиздате... Остается неясным, были ли это деньги самого Госиздата или деньги «Круга», акциями которого владел Госиздат.

* * *

Как бы то ни было, но отправленные Хелминским 3 июля 150 рублей хоть и с опозданием, но все же дошли до адресата. Затем, 26 августа, последовал следующий транш с сопровождающим его письмом:

«Многоуважаемый Борис Николаевич, пересылая при этом письме 150 р. — августовский взнос по нашему договору, прошу извинить нас за задержку в высылке денег: мы воздерживались от пересылки в Крым, так как не знали, как долго Вы там пробудете. Шлем Вам наилучшие пожелания. Уважающий Вас Н<иколай> Х<елминский>».¹³²

В этом послании также есть обращающая на себя внимание деталь: множественное число («извинить нас», «мы воздерживались», «не знали», «шлем Вам»). Кто эти «мы»? Если первый — отправитель письма, то второй, без сомнения, — его друг и напарник Богомильский.

Полностью, до конца разобратся в этой финансовой кухне не представляется возможным.¹³³ Однако очевидно, что схема выплат была непрозрачной: деньги, возможно, не выплачивались Хелминским, а через него каким-то образом проводились. Очевидно и то, что ко всем этим выплатам с самого начала имел непосредственное отношение Богомильский, работавший в Госиздате и имевший отношение к финансовым делам в «Круге».

Все это вместе (и договор вроде бы с «Россией» и Лежневым, а на самом деле с непонятно откуда взявшимся Хелминским, и деньги, которые вроде бы выплачивал по договору Хелминский, но которые получались от Богомильского и через Госиздат) производит впечатление странной аферы или специальной операции, организованной Пильняком и Богомильским с использованием в роли подставного лица их друга Хелминского.

Важно подчеркнуть, что ни Пильняк, ни Богомильский, ни Хелминский не хотели обмануть Белого и нанести ему какой-либо вред. Наоборот, их действия

¹³² А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 343. В публикации ошибка в месяце — 26 июля. Письмо датировано августом. См.: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. кр. 134.

¹³³ Так, кажется весьма странной расписка о возврате части денег Хелминскому: «Получено от Бориса Николаевича Бугаева (А. Белого) в счет возврата выданного ему по договору от 4 <так!> апреля 24 г. аванса 400 (четыреста рублей). Н. Хелминский. 13 <П.?> 25 г.» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. кр. 342; ср.: А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344; в расписке неясно обозначен месяц — то ли П, то ли И, публикатор датирует ее июнем или июлем; в архивной аннотации к документу — февраль 1925 года; мы склоняемся к второму варианту). Предположим, деньги возвращались частями, а документ на еще 200 рублей затерялся. Но совершенно непонятно, как эта расписка на клочке бумаги вообще оказалась в составе личного фонда Белого, если она должна была храниться у Хелминского, а его фонда, его материалов в РГАЛИ нет. И письма Белого к Богомильскому, и письмо Хелминского Богомильскому, и договор с Хелминским (он был присоединен к его письму от 5 декабря 1924 года — «При сем прилагаю договор и расчетные документы»), и расписки Белого о получении денег у Богомильского — все эти материалы, несомненно, были вычленены из материалов архива Богомильского и затем введены в фонд Белого. А если так, то неясно, как эта расписка оказалась у Богомильского и Белый ли ее вообще написал? Как кажется, допустимо предположение, что она имела фиктивный или подложный характер. Ср. в мемуарах Зайцева: «Не знаю, как рассчитался Борис Николаевич с Н. Э. Хелминским. Возможно, что это улаживал Б. Пильняк» (Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 73).

носили скорее благотворительный характер, были «операцией ради спасения» вернувшегося из эмиграции нищего писателя и имели целью его финансовое обеспечение на ближайшее обозримое время. В итоге Белый получил и литературный заказ, и материальное вспомоществование, стимулировавшее к работе над новым романом, и издательство, готовое этот роман выпустить.

Напомним, что в письме к Иванову-Разумнику от 17 июня 1924 года Белый писал, что хоть и мало знает Богомильского, но ручается «за его безукоризненную честность».¹³⁴ Быть может, в этом его убедило поведение Богомильского с летними выплатами.

* * *

Картина писательской кухни того времени была бы неполной без анализа еще двух издательских проектов, разворачивавшихся одновременно с издательской историей «Москвы» и с ней тесно связанных. Оба проекта не удались, но они интересны тем, что их инициаторами также были Пильняк с Богомильским. Первый проект — попытка опубликовать пьесу Белого «Гибель сенатора». Второй — попытка создать новое издательство и журнал «трех Борисов», т. е. Белого, Пильняка и Пастернака. Начнем с первого.

7. «По доверенности Белого, о беловской „Гибели Сенатора“»: Пильняк и Богомильский

«Операция» с «Москвой», проведенная Пильняком и Богомильским в пользу Белого, была не единичным случаем, а вполне работающей схемой. Очень похожим при ближайшем рассмотрении оказывается план опубликовать «Гибель сенатора», пьесу по роману «Петербург». На то, что к этому плану тоже были причастны Пильняк и Богомильский, ранее не обращалось внимания. А вместе с тем в отношении «Гибели сенатора» они действовали примерно по тому же странному, вызывающему, мягко говоря, недоумение алгоритму, по которому «пристраивали» «Москву» и обеспечивали автору романа финансовую поддержку.

В «Ракурсе к дневнику» работа над пьесой отмечена в записях за март и апрель 1924 года (в мае она была завершена).¹³⁵ Примерно в то же время Белый общался с Пильняком, познакомился с Богомильским и заключил при их содействии договор с Хелминским. За постановку пьесы взялся МХТ-2, возглавляемый М. А. Чеховым. В процессе подготовки спектакля пьеса сокращалась, подправлялась, искажалась, и, как пишут Дж. Малмстад и А. В. Лавров, осуществившие ее научное издание, «сохранить в неприкосновенности свое произведение Белый надеялся, напечатав драму в первоначальной, пространный авторской редакции».¹³⁶

Когда и у кого возникла идея напечатать «Гибель сенатора» именно в Ленинградском отделении Госиздата, доподлинно не известно, но Пильняк и его друзья были в числе первых познакомившихся с текстом пьесы: 27 мая 1924 года, как отмечено в «Ракурсе к дневнику», у Пильняка дома состоялось «чтение сцен „Петербурга“».¹³⁷ На следующий день Белый уехал в Коктебель до середины сентября, а потом занялся «Москвой».

¹³⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 296.

¹³⁵ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 483. Премьера состоялась 14 ноября 1925 года.

¹³⁶ Лавров А. В., Малмстад Дж. Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург» // Белый А. Петербург: Историческая драма / Подг. текста и прим. А. В. Лаврова. М., 2010. С. 42.

¹³⁷ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 483.

Договор с Ленгизом на «Гибель сенатора» был заключен за день до того, как договор с Хелминским был расторгнут, — 4 декабря 1924 года.¹³⁸ То есть оба сюжета разворачивались одновременно и параллельно.

Согласно договору на публикацию «Гибели сенатора», текст пьесы должен был быть представлен уже 1 января 1925 года, и Белый задержал его совсем ненадолго, всего на месяц. «Сроком фактического представления рукописи» в издательство значится 1 февраля. Гонорар за «Гибель сенатора» полагался весьма внушительный, по договору — 800 рублей; в реальности немного меньше, но все равно много — в графе «выплачено» стоят две цифры: напечатано 640 рублей, но сверху вписано карандашом 780 рублей.¹³⁹

Выплату Белый получил сразу же после передачи рукописи, но не от Ленгиза, как можно было бы ожидать, а... непосредственно от Пильняка. Этот странный факт обнаруживается в его письме (как выясняется, повторном — первое не сохранилось) К. Федину от 6 апреля 1925 года с жалобами на заведующего редакционным отделом Ленгиза Давида Николаевича Ангерта (1891–1977), затягивающего с денежной компенсацией (в написании его фамилии Пильняк делает ошибку): «...я написал тебе на днях письмо: опять пишу: опять о том же, опять чтобы молить о деньгах, которые мне не шлет Ангердт — <...> АНГЕРДТ разбойник нарушил уже договор, еще в феврале он должен был прислать деньги, — он должен мне (по договору, заключенному мною по доверенности Белого, о беловской „Гибели Сенатора“, — Белый давно уже получил с меня эти деньги). Скажи ему, умоли его, выругай его: пусть, пусть, пусть шлет, шлет, шлет денег, денег, денег...»¹⁴⁰

Из этого письма однозначно следует, что договор с Ленгизом заключал не сам Белый, а Пильняк «по доверенности Белого». А из сохранившейся в РГАЛИ доверенности, — что действовали они вместе с Богомильским: «Доверяю Д. К. Богомильскому получить договор — с Ленгизом Андрея Белого. Бор. Пильняк».¹⁴¹

В рамках этого же сюжета следует рассматривать неизвестное ранее, а точнее — неопознанное ранее письмо Пильняка с указанием адреса и адресата на обороте: «Дав<иду> Кир<илловичу> Богомильскому. Рождественка, 4, Госиздат. 41 комн.». Письмо хранится в фонде Белого в РГАЛИ¹⁴² и представляет собой машинопись без даты и подписи, что затрудняет атрибуцию. К тому же оно попало по ошибке в папку с договором между Белым и Хелминским от 14 апреля 1924 года и потому было опубликовано вместе с материалами, связанными с издательской историей «Москвы», без определения его авторства и какого-либо комментария:

«Дорогой Федя, —
будь добр, спроси у Быкова или Базилевского, когда мне заплатят по договору Белого, я был поставлен на очередь Ангердтом. Если сегодня, — вот доверен-

¹³⁸ Лавров А. В., Малмстад Дж. Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург». С. 42.

¹³⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-35. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 49 об.

¹⁴⁰ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 231. Прочитанные сетования в адрес Ангерта представляются эмоциональной репликой: «Константинушко, родной, — сто сорок рублей!» — и заключаются не менее эмоциональным возгласом: «Раади Хриистааааа — а! а! — — — сто сорок рублей!!!» Случайно или нет, но указанная сумма совпадает с той надбавкой, которую Белый получил с первоначально выписанному гонорару: 640 заменено на 780. В этой связи остается не вполне ясно, Пильняк заплатил и хотел получить назад всю сумму по договору, заключенному им по доверенности Белого, или речь идет только о надбавке, что, впрочем, тоже немало.

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1692. Оп. 1. Ед. хр. 27. Приводится в прим. к письму Пильняка Федину от 6 апреля 1925 года (Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 232).

¹⁴² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 342. Л. 4.

ность, если после, доверенность держи у себя и получи. А если сегодня, пришли с запиской и Митей. Вечером сегодня — увидимся, позвони в шесть».¹⁴³

Контекст и упомянутые в письме имена однозначно подтверждают, что автор — Пильняк. «Гонец» Митя — брат О. С. Щербиновской, жены Пильняка. Имя Ангерта указывает, что просьба связана с выплатой гонорара за «Гибель сенатора». Обратиться с этим вопросом к Михаилу Ивановичу Быкову имело самый прямой смысл: согласно справочникам «Вся Москва», в 1924 году он — главный бухгалтер Госиздата, а в 1925 году и 1926 году занимает еще более высокую должность — зав. финансовым отделом.¹⁴⁴ В воспоминаниях секретаря журнала «Леф» П. В. Незнамова «Маяковский в двадцатых годах» дается его яркая характеристика: «Дела у Гиза были неважные, деньги платились трудно, заведующий финчастью М. И. Быков часто отказывал в платежах по ведомостям. Маяковский советовал мне „брать Михаила Ивановича мертвой хваткой“, то есть тем, чего у меня как раз не было. Но однажды, более часу не выходя из кабинета Быкова, я „высидел“ кучу денег, когда их уже и ждать перестали. Это была моя „мертвая сидка“. На получение денег я имел доверенность от Владимира Владимировича».¹⁴⁵

Такую же доверенность имел Богомильский от Пильняка. А Пильняк, как обычно, послал «дорогого Федю», своего деятельного и услужливого друга, в Госиздат решить его финансовую проблему.

Трудно сказать, когда Пильняк получил компенсацию за свой весьма благородный поступок, но произошло это явно не раньше конца апреля — начала мая. Письмо в Московское отделение Ленгиза с указанием Д. Н. Ангерта «отн<осительно> гонорара А. Белому» было отправлено только 24 апреля, а завизировано получившей стороной 28 апреля:

«Согласно распоряжению Давида Николаевича, просим произвести расчет по договору № 17779/1928 от 4/ХІІ-24 с А. Белым (Б. Н. Бугаевым) за его труд „Гибель сенатора“.

Выплату надлежит произвести из ассигнованных Вам сумм для расчета с авторами».¹⁴⁶

Надо полагать, деньги Пильняку все же вернули.

Что же получается?

4 декабря подписывается договор с Ленгизом на издание «Гибели сенатора», по которому Белому полагается гонорар. Но договор заключает Пильняк по «доверенности Белого». Контакты же с издательством осуществляет Богомильский: Пильняк сначала доверяет ему «получить договор — с Ленгизом Андрея Белого», а потом просит «дорогого Федю» получить в Госиздате — тоже по доверенности — начисленные за рукопись пьесы выплаты. То есть Пильняк и Богомильский полностью освободили Белого от всех организационных дел (переговоры с издательством, заключение договора и пр.). Но они также освободили Белого и от материальных забот: Пильняк почему-то сразу заплатил Белому из своих личных сбережений, а потом несколько месяцев

¹⁴³ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский. С. 344.

¹⁴⁴ Кто такой Базилевский, установить пока не удалось.

¹⁴⁵ Незнамов П. В. Маяковский в двадцатых годах // Маяковский в воспоминаниях современников / Вступ. статья З. С. Паперного; сост. и прим. Н. В. Реформатской. М., 1963. С. 368.

¹⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-35. Оп. 1. Ед. хр. 542. Л. 432. Письмо адресовано Михаилу Яковлевичу Презенту (1898–1935), входившему в Правление Госиздата; им же и завизировано.

вынужден был терпеть неудобства — добиваться, в том числе и при помощи Богомильского, возмещения ущерба.

Правда, редакция Ленгиза признала «Гибель сенатора» негодной к публикации, что, конечно, плохо. Впрочем, не так уже и плохо: ведь гонорар — не аванс, и возвращать его Белому не пришлось. Полученная сумма (большая, чем аванс за «Москву») явно улучшила его материальное положение, облегчила жизнь и стимулировала работу над романом.

Возможно, вынашивался и еще один подобный и тоже неосуществившийся план — связанный уже не с пьесой, а с киносценарием по роману «Петербург». Иначе трудно объяснить, почему его рукопись оказалась у Богомильского и отложилась в его фонде в Отделе рукописей РГБ. Как показала К. Кривеллер, готовящая киносценарий к публикации, он был написан еще в 1918 году,¹⁴⁷ но тогда не пригодился. Не исключено, что Богомильский мог взять его у Белого в надежде тоже куда-то пристроить...

8. «Материальная поддержка вплоть до субсидий, обещанных в ту или иную приемлемую форму»

Оба начинания, и с «Москвой» (договор с Хелминским), и с «Гибелью сенатора» (договор с Ленгизом), выглядят как проекты с большим благотворительным компонентом. В первом случае Белый получил через Пильняка–Богомильского–Хелминского странное денежное вспомоществование под неопределенный «замысел», позволившее ему прожить летние месяцы, до заключения уже реального договора с «Россией» (от которого, по причине «кабальности», Пильняк с Богомильским его тоже потом избавили). Во втором — Пильняку и Богомильскому удалось быстро, практически мгновенно пристроить в Ленгиз пьесу Белого и обеспечить автора немалым гонораром.

Можно, конечно, предположить, что Пильняк с Богомильским — просто «люди добрые». Однако их действия оказываются очень в русле политики партии и правительства, направленной на то, чтобы привлечь писателей, еще не полностью определивших свое отношение к Советской власти и ее институтам. С той же целью была создана в августе 1922 года Артель писателей «Круг»,¹⁴⁸ членами которой состояли и Пильняк, и Богомильский. «Согласно основной директиве партии, — констатировал А. В. Луначарский, — тов. Воронский организовал журнал „Красная новь“ и издательство „Круг“, которые должны были по возможности притянуть к нашему центру крупные литературные силы прошлого».¹⁴⁹

Учреждению «Круга» предшествовало бурное обсуждение целей нового предприятия, причем велось оно на самом высоком уровне.

Первоначально вопрос стоял «о форме поддержки молодых поэтов». «Никакого или почти никакого внимания к ним нет, вернее сказать, внимание к отдельным лицам проявляется случайно отдельными советскими работниками или чисто кустарным путем. В материальном смысле мы даже наиболее

¹⁴⁷ Кривеллер К. Репрезентация «бомбы» в киносценарии по роману «Петербург» Андрея Белого // Андрей Белый: Ракурсы, контексты, подтексты. Статьи и публикации / Ред.-сост. Е. В. Глухова, И. Б. Делекторская, М. Л. Спивак. М., 2024. С. 79–91.

¹⁴⁸ Динерштейн Е. А. А. К. Воронский: В поисках живой воды. С. 101–120 (глава «Круг»); Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг» // De visu. 1993. № 10 (11). С. 5–15; Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями. С. 531–616.

¹⁴⁹ Луначарский А. В. О современных направлениях русской литературы // Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 8. С. 282–183.

даровитых и революционных толкаем к буржуазным или враждебным нам издательствам, где эти молодые поэты вынуждены равняться по фронту, т. е. скрывать свои симпатии к нам», — сетовал Л. Д. Троцкий, предлагая на время сменить строгость на «внимательное, осторожное и мягкое отношение к таким произведениям и авторам, которые, хотя и несут в себе бездну всяких предрассудков, но явно развиваются в революционном направлении». Однако в данной ситуации терпимости было явно недостаточно. Нужна была весомая поддержка, но очень деликатная. «Лучше всего, разумеется, если бы эта поддержка выражалась в форме гонорара (индивидуализированного), — развивал свою мысль Троцкий, — но для этого нужно, чтобы молодым авторам было где печататься».¹⁵⁰

И. В. Сталин также посчитал «своевременным» поставленный «тов. Троцким вопрос о завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки»: «Материальная поддержка вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима».¹⁵¹

Однако достаточно быстро стало понятно, что «привлечены на свою сторону» должны быть не только молодые, но также и не очень молодые и даже совсем не молодые авторы, но также участники различных литературных группировок (футуристов, имажинистов, Серапионовых братьев и др.), «старые писатели, примкнувшие к нам в первый период революции», писатели, «идущие к нам через сменевехство». Особое внимание следовало обратить на писателей «колеблющихся, политически неоформленных, за души которых идет настоящая война между лагерями эмиграции и нами».¹⁵²

В этой связи на заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 6 июля 1922 года было признано необходимым «создание художественного издательства (при государственной субсидии), которое в общем и целом находилось бы под контролем Госиздата, но имело бы беспартийный характер и давало бы вполне достаточный простор для всяких художественных тенденций и школ, развивающихся в общесоветском направлении». «Представить в Политбюро предварительный набросок плана» было поручено Л. Б. Каменеву¹⁵³ и специальной «комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество».¹⁵⁴

20 июля было решено, что следует «идти к организации общества через издательство» и через субсидии: «...признать основной формой субсидии субсидию издательству для повышенного гонорара и для удешевления издания».¹⁵⁵ А 17 августа уже вышло постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об издательстве молодых поэтов „Круг“», согласно которому следовало «одобрить предложение о вложении Госиздатом в смешанное издательское общество „Круг“» больших денег (150 миллиардов рублей) «при условии организации

¹⁵⁰ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999 (сер. «Россия. XX век. Документы»). С. 35–36 («Записка Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о молодых писателях и художниках 30 июня 1922 года»).

¹⁵¹ Там же. С. 38 («Записка И. В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложений Л. Д. Троцкого о молодых писателях и художниках. 3 июля 1922 года»).

¹⁵² Там же. С. 39 («Докладная записка заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я. А. Яковлева И. В. Сталину о ситуации в писательской среде [Не позднее 3 июля 1922 года]»).

¹⁵³ Там же. С. 40–41 («Постановление Политбюро ЦК РКП(б) „О молодых писателях и художниках“. 6 июля 1922 года»).

¹⁵⁴ См. вступительную статью Е. А. Динерштейна (Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями. С. 535).

¹⁵⁵ Власть и художественная интеллигенция. С. 41 («Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о поддержке молодых поэтов и писателей 20 июля 1922 года»).

этого общества на акционерных началах и при наличии на руках Госиздата контрольного пакета акций».¹⁵⁶

На заседаниях «комиссии по организации писателей и поэтов» была выделена и потом утверждена на Политбюро инициативная группа, в которую в том числе вошел и Пильняк, а Воронскому было поручено сначала составить «список писателей, безусловно нам сочувствующих», «указать наиболее яркие произведения каждого писателя», а потом «выделить из списка писателей, нуждающихся в немедленной субсидии».¹⁵⁷

Именно на субсидию, а не на аванс больше похожи те выплаты, которые Белый весной–летом 1924 года получал через Хелминского от Богомильского и Госиздата.

Примечательно — параллельный сюжет, — что в политической плоскости решался в 1924 году и вопрос с постановкой пьесы «Петербург» (сокращенный вариант «Гибели сенатора») в МХТ-2. Главрепертком собирался постановку запретить, но нарком просвещения А. В. Луначарский смог ее отстоять, апеллируя к необходимости бороться за писателей, пусть хоть немного, но расположенных к Советской власти: «Я прочел пьесу Белого, она действительно плоха <...>; тем не менее я не знаю, следует ли запрещать эту пьесу. <...> Человек был за границей, эмиграция готова облакать его, но с эмиграцией он расплевался и вернулся сюда. Он громко заявил, что, какая бы то ни была, революционная Россия милее ему...».

Материальный аспект в аргументации Луначарского играл, по сути дела, главную роль: «...он почти пропадает с голоду, потому что какой бы рассказ или роман или пьесу он ни представил бы редакции, цензура как бы априори считает, что пускать его не следует. Это, по-моему, глубочайшее заблуждение. Белый принес бы гораздо больше пользы, чем вреда, заняв своеобразную, но в корне, в конце концов, дружескую к нам позицию...».¹⁵⁸

То есть о том, что вернувшийся из эмиграции Белый «почти пропадает с голоду», знали самые разные инстанции и на весьма высоком уровне...

Но отступим на пару лет назад. Еще в 1922 году Белый был включен в представленный Воронским «Список предполагаемых членов общества „Круг“», правда, тогда — под вопросом, потому что находился «за рубежом». Тем не менее внесение его в список тех, кого Советской власти следует поддерживать, Воронский считал необходимым: «Белым окрашено (форма) почти все художественное слово. Влияние на литер<атурные> круги совершенно исключительное».¹⁵⁹

В список Воронского внес дополнения и поправки начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский, предложивший, в частности, переместить Белого из второй группы (в ней доминировали сменовеховцы и «колеблющиеся»), в третью, большую часть которой составляли бедствующие писатели с дореволюционной репутацией (Волошин, Шмелев, Поликсена Соловьева — так как они голодают в Крыму; Ахматова — так как «расстрелян муж — Гумилев», и др.). Тогда Белый-эмигрант еще не был «нуждающимся» в государственных субсидиях. Возможно, поэтому Лебедев-Полянский решил, что ему место рядом с эмигрантом Ремизовым, который, как было отмечено в списке Ворон-

¹⁵⁶ Там же. С. 42.

¹⁵⁷ Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг». С. 9.

¹⁵⁸ Луначарский А. В. О пьесе Андрея Белого «Петербург»: [Письмо к И. П. Трайнину (29 ноября 1924 г.)] / Публ. Л. М. Хлебникова // Лит. наследство. 1970. Т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы. С. 398–400 (адресат письма — председатель Главреперткома при Наркомпросе РСФСР). Анализ этого эпизода см.: Лавров А. В., Малмстад Дж. Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург». С. 35–36.

¹⁵⁹ Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг». С. 11.

ского, «стремится в Россию».¹⁶⁰ Во второй ли, в третьей ли группе, но Белый с самого начала оказался в поле зрения организаторов новой советской литературы и руководителей издательства «Круг» — среди тех, кому «материальная поддержка вплоть до субсидий, обремененных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима».

Далее события развивались стремительно.

«В 1922 г., осенью, ряд писателей были приглашены в Москву телеграммой от Каменева. Каменев предложил нам организовать писательскую артель, издательство и альманах. В разговоре с Каменевым, по существу говоря, никаких политических требований нам не было поставлено, мы были сделаны самостоятельными хозяевами в издательстве... Через некоторое время в кабинете Каменева было проведено первое организационное собрание, на котором были даны установки о том, что мы можем писать и печатать, что угодно. Главная задача писательской артели заключалась в том, чтобы вокруг себя собирать всех вновь приходящих писателей. Фактическим руководителем артели был тогдашний редактор „Красной нови“ Воронский», — сообщал арестованный Пильняк следователям ОГПУ 11 декабря 1937 года. В тех же показаниях Пильняк в числе ближайших людей назвал «своего литературного учителя Андрея Белого».¹⁶¹ Так что партийная установка не противоречила дружеским чувствам. И тем не менее, как кажется, только партийной установкой можно объяснить все действия Пильняка и Богомильского сначала по решению материальных проблем Белого (субсидия под ненаписанный роман «Москва» и гонорар за «Гибель сенатора»), а потом по встраиванию «Москвы».

Если учитывать этот контекст, то издательская история романа «Москва» будет вовсе не странной, а вполне отвечающей политическому заказу.

Пильняк практически сразу узнает о возвращении Белого из Германии в Россию. «Белый — приехал? Уже? Увидите его — поклон ему, скажите ему, что из всех людей, коих я встречал, он — самый необыкновенный человек», — пишет он М. М. Шкапской 28 октября 1923 года,¹⁶² через день после появления Белого в Москве. И вскоре начинает бурную деятельность по встраиванию писателя в литературную жизнь.

Сначала идут переговоры с Лежневым, которые, правда, еще не имеют ни юридической силы, ни материальной базы. «Исай Лежнев, сам или через сотрудников журнала, завязал сношения с Белым и, узнав, что Борис Николаевич собирался писать новый роман, предложил заключить с ним договор...» — вспоминал Зайцев.¹⁶³ Очень вероятно, что сотрудником-посредником между Лежневым и Белым был Пильняк, с одобрением относившийся к возвращению писателей из эмиграции и симпатизировавший сменовеховству («Я приветствую сменовеховство, как искание. Сам я, в сущности, сменовеховец»¹⁶⁴). Уже во втором номере «России» (май 1922) его имя названо в числе тех авторов, на которых «в ближайшее время журнал может рассчитывать». «Спрашиваете Вы, — сотрудничаю ли я в „России“ — да», — сообщал он А. М. Ремизову в письме от 15 ноября 1922 года.¹⁶⁵

¹⁶⁰ Там же. С. 12–13.

¹⁶¹ Цит. по: Шенталинский В. А. Рабы свободы: Документальные повести. М., 2009. С. 398–399.

¹⁶² Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 115.

¹⁶³ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 51.

¹⁶⁴ Пильняк Б. А. Письма. Т. 1. С. 457 (письмо А. М. Ремизову и А. Н. Толстому от 4–5 июня 1922 года).

¹⁶⁵ Пильняк Б. А. Письма. Т. 1. С. 508.

То, что сначала Пильняк сводит Белого со сменовеховцем Лежневым, вполне логично: ведь Белый возвратился из эмиграции. В то время за умы и души сменовеховцев тоже шла острая идеологическая борьба, и журнал «Россия» в Москве пользовался некоторой поддержкой, хотя и значительно меньшей, чем «Круг». Следует оговорить, что и сам Пильняк в партийных документах часто проходил как сменовеховец («Национал-большевик, называет себя сменовеховцем, хотя неизвестно какие „вехи“ он сменял»¹⁶⁶). Устройство Белого в «Россию» тоже вполне отвечало бы политике партии и правительства.

Однако Лежнев беден, а роман следует еще написать, да и жить Белому на что-то надо. Для того, чтобы Белый получил материальное вспомоществование, Пильняк и Богомильский проворачивают «аферу» с их другом и нэпманом-предпринимателем Хелминским, не имеющим отношения ни к Лежневу, ни к «России». Аванс-субсидия поступает к Белому через Богомильского, а в конечном счете — через Госиздат, который владеет контрольным пакетом акций «Круга». Затем, когда роман из стадии замысла переходит в стадию осуществления (написано уже две главы), происходит заключение договора с «Россией». Договор от 18 октября оказывается кабальным, и Пильняк вместе с другими «добрыми людьми» Белого от этой кабалы самоотверженно освобождают, предлагая писателю лучшие сроки и лучшую оплату.

«Переговоры с Пильняком и Лежневым» датированы в «Ракурсе к дневнику» концом сентября 1924 года.¹⁶⁷ Если датировка точная, то это означает, что Пильняк способствовал заключению 18 октября договора с «Россией». Однако датировка может быть и ошибочной (так, в «Ракурсе к дневнику» запись «Чтение „Москвы“ у Пильняка» Белый относит к декабрю 1924 года, хотя из других источников доподлинно известно, что оно произошло 24 ноября). Если переговоры с Пильняком и Лежневым происходили позже, после 18 октября, то они могли быть связаны не с заключением этого договора, а наоборот, с его расторжением. В этом вопросе дальнейших предположений мы не продвинемся. Но очевидно, что Пильняк если не «сопровождал» все сделки, то уж точно все время «маячил» на этом поле.¹⁶⁸ Организованное Пильняком 24 ноября представление-апробирование романа «Москва» у себя на квартире имело своим продолжением приглашение Белого в «Круг».¹⁶⁹

* * *

Почему же Пильняк с Богомильским сразу и открыто не пригласили Белого в «Круг»? Самая простая версия — не хотели, как и Лежнев, брать на себя обязательства «под замысел», ведь роман к моменту начала его издательской истории не существовал даже в голове его автора. К тому же рукописи в «Круге» проходили тщательный отбор, и логично, что приглашение могло последовать только после того, как с романом познакомился Пильняк, как раз отбором рукописей и занимавшийся.

Однако могла быть и другая, очень личная, но весьма важная причина, притормозившая передачу романа Белого в «Круг». Летом 1922 года Пиль-

¹⁶⁶ Цит. по: Поливанов К. М. К истории «артели» писателей «Круг». С. 11.

¹⁶⁷ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 484.

¹⁶⁸ Его встреч с Белым могло быть больше, чем те, что нашли отражение в автобиографических сводах и эпистолярии. Так, Зайцев записал, что «Сергей Есенин, встречаясь с Борисом Николаевичем у Пильняка, подшучивал над ним: — Говорят, вы летом на пляже камешки собирали, вместо того чтобы роман писать» (Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 62). Если мемуарист не ошибся, то отмеченная им встреча происходила осенью, после возвращения Белого из Коктебеля, и на ней тоже обсуждались обязательства Белого по написанию «Москвы».

¹⁶⁹ См. раздел 4.

няк активно включился в дела нового издательства, но затем последовали конфликты, разъезды, усталость, в результате чего он покинул свой редакторский пост. «От „Круга“ я теперь всячески свободен», — писал он 2 сентября 1923 года Богомилскому, приглашая того к себе в гости в Коломну.¹⁷⁰ «Из „Круга“ я ушел. Не знаю, что делается там. Сажу в Коломне и хочу одного — писать хорошо и честно», — сообщал он Шкапской в том же самом письме от 28 октября, в котором просил передать «поклон» только что приехавшему из Германии Белому.¹⁷¹ То есть в период, когда велись переговоры с Лежневым и заключался договор с Хелминским, Пильняк хоть и оставался членом Артели, но непосредственно в «Круге» не работал.

Однако как раз осенью 1924 года он вернулся, причем, как кажется, триумфально. «...Я теперь вновь редактор, да еще такой, который располагает сотней печатных листов в месяц, опять в „Круге“...» — радостно делился он 9 ноября с одним из своих корреспондентов.¹⁷² В декабре Пильняк уже опять полностью погружен в просмотр и отбор рукописей для «Круга» и подробно отчитывается Воронскому и Вс. Иванову о проделанной работе.¹⁷³ Из писем этого периода видно, что «сотня печатных листов» (огромное число!) изменила если не политику издательства, то взгляд на эту политику Пильняка. Именно открывшимися издательскими возможностями он объясняет свое предложение выпустить в «Круге» книгу рассказов «старика» Ивана Новикова: «К Новикову я отношусь так: конечно, это писатель старшего поколения, — но писатель хороший, вдумчивый и такой, который умеет пить из своего собственного стакана гораздо лучше и честнее, чем очень и очень многие из нас — теперешних, — поскольку мы предполагали иметь сто листов, а стало быть монополизировать всю литературу, я находил нужным привлечь к нам и стариков, ибо полагаю, что они имеют не меньше нас права делать литературу, и делают ее».¹⁷⁴

Может быть, раньше Пильняк-редактор больше ориентировался на молодежь, как и было изначально задумано партией, или на своих сверстников, и только «сто листов» в месяц обратили его взор на писателей «старшего поколения»? Новиков родился в 1877 году, он всего на три года старше Белого, который для Пильняка и сотрудников «Круга», выходит, тоже уже старик...¹⁷⁵ Может быть, в этих «ста листах» кроется если не главная, то, по крайней мере, одна из важнейших причин того, что Белого пригласили в «Круг» не сразу, не в апреле, когда заключался первый договор, а только в ноябре–декабре, когда Пильняк стал «располагать сотней печатных листов в месяц» и задумал «монополизировать всю литературу»?

Ведь именно на эти месяцы (ноябрь и декабрь) приходятся главные события, решившие судьбу «Москвы»: чтение романа у Пильняка, беседа Пильняка с Белым о делах «Круга», расторжение всех прежних договоров (и с Хелминским, и с Каганским) и окончательная договоренность о передаче «Москвы» в «Круг».

¹⁷⁰ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 72.

¹⁷¹ Там же. С. 115.

¹⁷² Там же. С. 216. Письмо адресовано экономисту, издателю, публицисту Долмату Александровичу Лутохину (1885–1941).

¹⁷³ Там же. С. 217.

¹⁷⁴ Там же. С. 218.

¹⁷⁵ Быть может, отголоском этого, как сказали бы сейчас, эйджистского сюжета стали горькие слова Белого в письме к Иванову-Разумнику от 26 сентября 1926 года: «...в кругах, печатавших „Москву“, явно сквозил оттенок отношения: „Милый друг, — не забывайте, что Вы — выдохшийся писатель, старая кляча; и то, что Вас берут в „Альманах“, — величайшее Вам благодеяние“» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 378).

9. «Речь идет о создании издательства»: Богомильский — Пильняк — Каменев

За перипетиями издательской истории «Москвы» остался недостаточно освещенным и оцененным еще один сюжет — с теми же действующими лицами и также связанный с судьбой романа.

Пильняк и Богомильский предстали перед Белым весной 1924 года не только с предложением заключить договор с Хелминским для получения аванса под еще не написанный роман. Они пришли к Белому с планом создать издательство, в котором ему было предложено стать редактором и одним из ведущих авторов. «Организационная беседа о новом издательстве у Пильняка» состоялась, как отмечено в «Ракурсе к дневнику», 25 мая,¹⁷⁶ непосредственно перед отъездом в Коктебель. Ее суть Белый подробно, аналитически, критически и отчасти скептически изложил в письме к Иванову-Разумнику от 17 июня 1924 года. Приведем рассказ Белого полностью, чтобы потом остановиться на особенно любопытных деталях: «...есть у меня литературное дело, о котором хочу с Вами посоветоваться и которое пока „либо будет, либо нет“». Дело вот в чем: Борис Пильняк, к которому обратилось одно лицо, предложив денежные средства для издательства и сборников, обратился ко мне, желая меня привлечь к организации его: речь идет о создании издательства, где можно было бы печататься, и о период<ических> сборниках; издательство собиралось бы блюсти интересы писателей (оно — не хищническое); меня уговорили не отказываться от приложения руки к нему, и я принципиально дал согласие на участие в редакторской группе, хотя эта группа и смущает меня; в ней Пильняк (очень глуп и совершенно без всяких «идей») и Богомильский, коммунист, очень милый, порядочный, романтически настроенный<ий> человек (я его мало знаю, но ручаюсь за его безукоризненную честность); оба (Пильняк и Богомильск<ий>) и привлекли меня; издатель пока совершенно стгушевывается: если бы были литер<атурные> культурные сборники, то их официальным редактором был бы Борис Пастернак (по причинам внешним); и уже Пильняк весной называл эти сборники: „журнал 3-х Борисов“. В „трех Борисов“ не очень-то верю (может получиться лебедь, щука и рак), но пока соглашаюсь; с Л. Б. Каменевым уже были переговоры о цензурном разрешении (к нему ездил Богомильский): организацию издательства и сборников отложили до осени; меня же просили оповестить Вас и друг<их> петербуржцев, чего я пока не делал, ибо для меня проблема, могу ли я работать в союзе „трех Борисов“, и проблема, не лопнет ли все предприятие. Если оно будет налаживаться, я приеду к Вам и посоветуюсь, а пока у меня вопрос к Вам: „Что могли бы Вы дать (предложить) 1) для издательства, 2) для первых 2-х–3-х сборников“. Буду ждать ответа (если сборники состоятся, то дам туда «Ив. Ив. Коробкина»; Пильняк — дает повесть). Тема сборников: 1) современ<енный> русский быт (Пильняк), 2) проблема культуры (я). При случае оповестите, кого найдете нужным, о возможности издательства и сборников: я, как один из редакторов, могу приглашать, кого угодно; но 3 Бориса + Богомильский могут просовывать нос в принятые рукописи (и на этом-то основании проблематично еще для меня реальное касание сборников)».¹⁷⁷

Несмотря на язвительные реплики в адрес Пильняка и обоснованные опасения относительно судьбы предприятия, Белый идеей «о создании издательства, где можно было бы печататься» самому, «приглашать, кого угодно», в качестве редактора и выпускать журнал «трех Борисов», соблазнился

¹⁷⁶ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 483.

¹⁷⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 296.

и вдохновился.¹⁷⁸ Понравилось и то, что новое предприятие сулило заработки, ведь издательство, как ему объяснили, планировалось «не хищническое», блюдущее материальные «интересы писателей». К тому же, как опять-таки сообщили Пильняк и Богомильский, им уже были предложены «денежные средства для издательства и сборников». Кем было то «одно лицо», пришедшее с этим предложением, но предпочитавшее «пока совершенно стусевываться», Белый не назвал, а возможно, и ему не назвали. Да и нам этого выяснить не удалось. Но фигура в то время еще могущественного Л. Б. Каменева (члена Политбюро ЦК РКП(б), Председателя Моссовета), готового поддерживать эту инициативу, давала надежду на успех.

Напомним, что участие Каменева в организации литературной жизни того времени было велико и что он, как уже отмечалось ранее, стоял у истоков «Круга»: Каменев летом 1922 года делал доклад о «Круге» в Политбюро, а потом, когда на «высоком уровне» решение о создании «Круга» было принято, именно Каменев собирал писателей для разъяснения им последних партийных установок.¹⁷⁹

«Надеюсь, что Вы меня уведомите о благоприятном или неблагоприятном исходе переговоров Ваших с — — —», — писал Белый Богомильскому 15 июня 1924 года.¹⁸⁰ Фамилия того, с кем велись переговоры, вымарана.¹⁸¹ Однако можно с уверенностью сказать, что стояла в письме Белого фамилия Каменева, с которым Богомильский договаривался о новом издательстве.

То, что с вопросом о создании нового издательства обратились к Каменеву, не удивительно. Станным, на первый взгляд, кажется то, что к нему пошел Богомильский, а не Пильняк, пользовавшийся его расположением и, кстати, хорошо с ним и его семьей знакомый.¹⁸² Но при ближайшем рассмотрении удивление исчезает. Богомильский был знаком с Каменевым еще со времен своей парижской эмиграции, когда работал наборщиком в большевистской типографии и выпускал газету «Социал-демократ». После революции их связь не прекратилась, а напротив того, упрочилась. Именно Каменев привел Богомильского в Институт Ленина, который возглавлял с 1923 года,¹⁸³

¹⁷⁸ Любопытно, что придуманная Борисом Пильняком идея журнала заинтересовала тогда не только Бориса Бугаева, но и третьего Бориса — Пастернака. «Встречаюсь с Б. Л. Пастернаком. Он не потерял надежды на журнал „трех Борисов“, — писал П. Н. Зайцев Белому в Коктебель 25 июня 1924 года (Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. С. 371). Пастернака на майской встрече Белого с Пильняком и Богомильским, судя по всему, не было. Зайцев в поздних мемуарах, по обыкновению перепутав год, описал такой эпизод: «В перерыве Борис Николаевич, Борис Пильняк и Борис Пастернак нечаянно оказались в близком соседстве, несколько в стороне стоял Всеволод Иванов. И не это ли нечаянное сближение трех Борисов подсказало Пильняку случайную мысль, которую он по обыкновению тут же высказал вслух:

— Ты, Борис (это к Андрею Белому), другой Борис (это к Пастернаку), третий Борис (к себе самому) да разве еще Всеволод (в сторону Всеволода Иванова) — вот и вся русская советская литература» (Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 123–124).

¹⁷⁹ См. раздел 8.

¹⁸⁰ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому. С. 336.

¹⁸¹ Как справедливо отметил публикатор этого документа Дж. Малмстад, «фамилия стерта, очевидно, не Белым». Думается, вымарал фамилию «врага народа» адресат письма Д. К. Богомильский.

¹⁸² «...Каждый из нас, находящийся в таком положении, как я, может достать десятки бумажек, вплоть от Каменева...» — писал Пильняк, возмущаясь начислением ему слишком больших налогов (Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 91; письмо к К. А. Иевлеву от 19 сентября 1923 года). На характер отношений намекает и письмо к Д. А. Лутохину от 5 апреля 1923 года: «Шлю Вам домашнюю фотографию мою и справку к ней: снимал меня со чадами и женой Лютик Каменев, сын Льва Борисовича» (Там же. С. 27). См. также прим. 5 к письму Пильняка Богомильскому от 2 сентября 1923 года (Там же. С. 72).

¹⁸³ Каменев был к тому же ответственным редактором Собраний сочинений Ленина, в которых Богомильский осуществлял техническую редактуру.

а потом, уже будучи в опале, пригласил в издательство «Academia», начальником которого его назначили в 1933 году. Именно Каменев 20 февраля 1934 года — как заведующий издательством «Academia» — выдал Богомильскому «Справку», а по сути характеристику-рекомендацию для назначения персональной пенсии:

«СПРАВКА

Я знаю тов. Давида Кирилловича (Касриелева) Богомильского с 1911 г., когда он явился в Париж в качестве полит-эмигранта и начал принимать участие в делах заграничных социал-демократических групп.

Тов. Богомильский работал в Париже в типографии, в которой мы печатали наш партийный орган „Социал-демократ“ и партийные брошюры.

Уехав в Россию, я потерял связь с т. Богомильским, но встретив его в Москве в качестве члена партии в 1925 г. я, помня его добросовестную работу в Парижской типографии, пригласил его заведовать Издательской частью Института Ленина, на каковой работе во время моего пребывания в Институте, *т. Богомильский показал образец добросовестного и инициативного, истинно партийного отношения к порученному ему делу.*

Нет никакого сомнения, что т. Богомильскому принадлежит значительная доля в выработке того оформления, в котором Сочинения Ленина распространяются ныне в сотнях тысячах экземпляров.

В последнее время т. Богомильский работал в Издательстве ACADEMIA, по-прежнему проявляя полную добросовестность и знание дела. Уход его с работы объясняется исключительно его болезненным состоянием и необходимостью отдыха.

Зав. Издательством Л. Каменев».¹⁸⁴

Думается, что история взаимоотношений Богомильского с Каменевым была еще глубже и интереснее, чем она отразилась в личных делах и анкетных данных. Так, например, в воспоминаниях Богомильского о Горьком говорится, что одна из их встреч произошла «ранней весной 1921 года», когда Богомильский «находился в квартире Л. Б. Каменева в Кремле» и «туда зашел Алексей Максимович».¹⁸⁵ В 1923 году Пильняк выспрашивал у Богомильского, нет ли к нему в семье Каменева каких-то претензий.¹⁸⁶ В 1924 году, как следует из приведенного выше письма Белого к Иванову-Разумнику, Богомильский получил у Каменева одобрение нового издательского проекта. Уже позже, в начале 1927 года, Богомильский был замечен на «проводах Каменева на Белорусском вокзале, когда он отправлялся полпредом в Италию»¹⁸⁷ (формально в то время Каменев уже не был начальником Богомильского, так как в 1926 году его уволили с поста директора Института Ленина¹⁸⁸). Не ис-

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 18. Выделенное курсивом, в «Справке» подчеркнуто красным карандашом.

¹⁸⁵ *Богомильский Д. К.* Об Алексее Максимовиче Горьком. Воспоминания наборщика. 1966 (ИМЛИ РАН. Архив А. М. Горького. МоГ-2-35/2. Л. 5).

¹⁸⁶ В письме к Богомильскому от 2 сентября 1923 года Пильняк жаловался на то, что сын Каменева Лютик (Александр) говорил с ним по телефону «неприличнейше-генеральски»: «Как ты думаешь, тон Лютика, который сделал вид, что едва ли помнит меня, — не может быть обертоном отца» (*Пильняк Б. А.* Письма. Т. 2. С. 72-73).

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 5.

¹⁸⁸ См. не очень убедительное объяснение Богомильского по этому поводу: «В начале моей работы Каменев был главным редактором и директором Института. Когда же он был снят с руководства Институтom, за ним остались некоторые работы по редактированию, которые Каменев увез с собой в Италию. На моей обязанности лежало сноситься с ним через Наркоминдел по этим работам. Свое присутствие на вокзале во время отъезда Каменева в Италию я не мог рассматривать иначе, как лишь со стороны служебной» (ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 6).

ключено, кстати, что и в «Круг» Богомилский попал через Каменева, был в «Круге» его «человеком».

«За близость к врагу народа Каменеву» Богомилский, естественно, поплатится. В 1929 году «во время чистки партии Комиссией по чистке» ему будет вынесен выговор.¹⁸⁹ В конце 1935 года его исключают из партии, а в 1949 году лишат той персональной пенсии, о которой Каменев в 1934 году ходатайствовал.¹⁹⁰ Впрочем, на фоне массовых репрессий, обрушившихся на его окружение, это — минимум минимумом. Возможно, Богомилского спасла болезнь и ранний выход на пенсию.

Но это будет потом, а в 1924 году «связь с Каменевым» в глазах Белого лишь подтверждала серьезность издательских намерений Богомилского. В каждом из коктебельских писем Белый с нетерпением спрашивает «глубокоуважаемого и дорогого Давида Кирилловича» об издательстве, которое уже воспринимает как «наше»: «Напишите о журнале и издательстве, когда выяснится. <...> На днях пишу подробно об издательстве» (6 июня), «Очень жду от Вас вестей относительно возможности осуществления нашего издательства» (15 июня), «Жду известий о журнале и издательстве» (конец июня).¹⁹¹

Белый, однако, не только пассивно ждет информации, но и подключается к организационной работе. Видимо, он уже продумывает и концепцию, и состав авторов. «...На днях пишу Иванову-Разумнику и некоторым петербургским издателям; кстати: здесь, в Коктебеле вероятно будет кое-кто из писателей; и я мог бы успешно оповестить и ознакомить с нашими „Сборниками“. <...> Буду писать на днях Борису Андреевичу Пильняку...» — отчитывается он перед Богомилским 15 июня.¹⁹²

Неизвестно, кого из петербургских издателей и коктебельских отдыхающих Белый собирался оповестить, но Пильняку он написал¹⁹³ и Иванову-Разумнику, как обещал, проект разрекламировал в деталях (см. процитированное выше письмо от 17 июня). И не просто разрекламировал, но и рассказал, что сам собирается в это новое издательство предложить: «...если сборники состоятся, то дам туда „Ив. Ив. Коробкина“». И это самое, на наш взгляд, любопытное.

Получается, что Белый с самого начала склонялся к тому, чтобы «изменить» Лежневу с Богомилским и Пильняком, пришедшими к нему с предложением о новом, о «нашем» издательстве? Эту догадку косвенно подтверждает

¹⁸⁹ В фонде Н. И. Ежова в РГАСПИ в длиннейшем, многотомном «Списке участников оппозиции — зиновьевцев, троцкистов, правых, шляпниковцев, децистов, мясниковцев по г. Москве и Московской области» 1934–1935 годов Богомилский фигурирует в разряде «правых», с пояснением: «Богомилский Дэвид Кириллович, 1887 г. рождения, уроженец г. Волковыска (Польша), член ВКП(б), был руководителем производственного сектора из-ва „Академия“. Персональный пенсионер. Проживает: Москва, Рождественский бульвар, 17, кв. 10. Был связан с Л. Б. Каменевым и принимал участие в „проводах“ КАМЕНЕВА в Италию в 1927 г. За это и ряд других антипартийных поступков был объявлен строгий выговор с переводом на низовую работу» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 71).

¹⁹⁰ Богомилский пытался возобновить пенсию с 1957 года («Я тяжело больной человек. Мне горько и обидно от осознания того, что, активно участвуя с самых юных лет в рабочем революционном движении, я к концу своего жизненного пути оказался как бы отщепенцем, выброшенным за борт. Я не заслужил такой суровой старости» — ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 7). Однако эти попытки не возымели успеха.

¹⁹¹ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомилскому. С. 336, 338.

¹⁹² Там же. С. 336.

¹⁹³ По контексту (ответ Пильняка 21 июня 1924 года — «Ни от Хелминского, ни от Феди ни одного письма не получил я, — и сам, по правде говоря, не написал никому ни строчки»; письма Богомилскому и Иванову-Разумнику) можно предположить, что речь в этом несохранившемся письме Белого шла и о деньгах (см. прим. 122), и о новом издательстве.

то, что Белый чуть раньше, 15 июня, написал Богомильскому: «Эти две недели дал себе полный отдых; и теперь приступаю к роману».¹⁹⁴ Писатель как будто оправдывается перед заказчиком в том, что не сразу засел за работу, и обещает нагнать упущенное время.

А как же ведущиеся с зимы переговоры с Лежневым и полученный через Хелминского аванс? Видимо, еще весной, перед отъездом в Коктебель Белый получил от Богомильского и Пильняка какие-то обнадеживающие обещания... Когда же надежда на новое издательство рухнула, был заключен договор с «Россией», а когда выяснилось, что этот договор не хорош, а у «Круга» появились большие возможности, роман взяли в «Круг».

Остается, впрочем, не совсем ясным, зачем вообще надо было носиться с идеей нового издательства, столь похожего на уже существующий «Круг»? Ну, во-первых, мечта о новом, дружественном, «своем» издательстве всегда была популярна в писательской среде. Во-вторых — и это главное, — как раз в то время Пильняк, недовольный политикой «Круга», из «Круга» ушел. Быть может, он захотел еще большего влияния, большей независимости (от Воронского) и большей автономии (от ГИХЛа).¹⁹⁵ При поддержке Каменева и обширных связях Богомильского в типографиях проект вполне мог бы быть осуществлен. И хотя этого не произошло, важно и показательно, что Белый уже в мае–июне 1924 года вынашивал и обговаривал возможность отдать будущий роман не Лежневу, не Хелминскому, а Пильняку, несмотря на то, что он «очень глуп и совершенно без всяких „идей“», и Богомильскому, который, хоть и был «коммунист», но произвел самое благоприятное впечатление. Так в итоге и получилось.

10. «Москва» в «Круге» и отставший «кончик» второй главы

Итак, передача романа Белого «Москва» в издательство «Круг», как мы старались показать, была подготовлена и организационно, и финансово, и психологически. Напомним, что декабрем 1924 года в «Ракурсе к дневнику» помечено начало работы на Артель писателей: «Переделываю 2 первых главы „Москвы“ и отдаю их „Кругу“».¹⁹⁶ И в декабре же Белый получил первую выплату непосредственно от «Круга». К письму Богомильскому от 15 декабря с сообщением о том, что «сто пятьдесят рублей (150 рублей) от книгоиздательства „Круг“ получил», Белый сделал приписку, позволяющую уточнить запись в «Ракурсе к дневнику»: «Р. С. Дорогой Давид Кириллович: все эти дни хворал: сегодня нашли форменную ангину. Теперь — лучше. До Рождества постараюсь сдать 2-ую главу».¹⁹⁷ Можно из этого заключить, что главы сдавались по отдельности, что к середине декабря первая глава уже была в «Круге» и что вторая «поспеет» в конце месяца или в первых числах нового года. Первая глава «Москвы» датирована 10 ноября, а вторая глава — декабрем 1924 го-

¹⁹⁴ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому. С. 336.

¹⁹⁵ Возможно, с этим проектом связано загадочное «второе дело», которое Пильняк хотел обсудить с Богомильским, приглашая его письмом от 2 сентября 1923 года к себе в Коломну. Если «первое дело» — досуг, то «второе дело — издательское наше, — от „Круга“ я теперь всячески свободен, я и мои книги. Эрго — —» (Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 72). В этом же письме Пильняк рассказывает Богомильскому, как не смог дозвониться Каменеву (см. прим. 187).

¹⁹⁶ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 485.

¹⁹⁷ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому. С. 339.

да.¹⁹⁸ То есть Белый работал с опережением своих обещаний. То ли он слегка напутал в «Ракурсе к дневнику», то ли после завершения главы давал ей немного отлежаться и только потом отправлял в издательство.

Передав в «Круг» вторую главу, Белый понял (видимо, неожиданно), что в ней отсутствует последний пассаж (несколько абзацев, примерно треть страницы): «Перед ним прислонялся к решеточке сквера согбенный прохожий, закутанный в лезлую, очень клокастую, серого цвета шинель, разбросавшую крылья по ветру; склонялся картузиком в выцветший мех; суковатою палкою щупал дорогу; и Митя взглянул под картузик; прохожий косился двумя пролинялыми бельмами: дряхлый и бритенький, он отвернулся: и лик, точно выцветший мех, уронил себе: в выцветший мех.

Он — слепой.

— Вы позволите? Я бы... вас мог... проводить.

Но старик, отборматываясь, уронил неживые слова и брезгливо, и зло — в лезлый мех, побжевав с тротуара: он — видел.

Тут Митенька понял — что встретил себя самого: того самого, кто еще шел гробовую свою дорогой:

„О, если б прозрел, если б...“.¹⁹⁹

Этот пассаж был дописан и присовокуплен к завершенному и датированному тексту немного позднее. Между страниц автографа затесалась напечатанная на машинке записка, проясняющая механизм передачи текста в издательство:

«В приложенном к этой рукописи письме Андрея Белого есть такие слова: „Прошу тебя растолковать, кому нужно, чтобы этот кончик попал в набор; без него 2-ая глава теряет смысл“. Довожу до сведения.

О. Щербиновская.

9 января 1925».²⁰⁰

К кому Белый обращается с просьбой «растолковать» и проследить, чтобы пропущенный «кончик попал в набор», не так сложно установить. Ольга Щербиновская, как уже не раз говорилось, на тот момент — жена Пильняка. Сам Пильняк как раз с 9 января 1925 года «находился в санатории „Узкое“».²⁰¹ Поэтому Щербиновская, очевидно, по просьбе уехавшего мужа передала рукопись в «Круг», приложив отставший от второй главы «кончик» и «растолковав» ситуацию цитатой из, к несчастью, несохранившегося письма Белого Пильняку... Выходит, что сначала Белый сдавал главы Пильняку, а тот уже — в «Круг», Богомильскому.

Дальнейшие отношения с издательством выстраивались, как кажется, непосредственно через Богомильского. В июне Белый заканчивает третью главу, а весь роман — 24 сентября 1925 года.²⁰² Первые две главы еще придется дорабатывать и сокращать, будет радикально переделана и первоначальная

¹⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32. Две первые главы романа были сначала напечатаны в альманахах книгоиздательства «Круг» (М.; Л., 1925. Кн. 4. С. 19–73; Кн. 5. С. 27–91), а потом в переработанном и сокращенном виде вошли в книгу «Московский чудак». Датировка первой главы — по альманаху «Круг» (Кн. 4), второй — по автографу.

¹⁹⁹ Белый А. Московский чудак. Первая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926. С. 151–152.

²⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 80.

²⁰¹ Пильняк Б. А. Письма. Т. 2. С. 227 (примечание К. Б. Андроникашвили к письму Р. фон Вальтеру от 22 января 1925 года).

²⁰² Первая датировка по автографу (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 32), вторая — по автографу и книжному изданию (см.: Белый А. Москва под ударом. Вторая часть романа «Москва». М.: Круг, 1926).

структура текста (появится разделение романа на две части, а вместо четырех глав автографа в издании их окажется шесть). В сохранившихся письмах периода подготовки книги к печати Белый детально обсуждает с Богомильским сроки сдачи рукописей и уважительные причины, по которым он в оговоренный срок не укладывается: «...ведь размеры 3-ей и 4-ой глав силою вещей (развитием фабулы) увеличились вдвое; и так гоню работу: просиживаю ночи без сна; ведь за лето я отработал уже более 150 страниц трудной для меня художественной формы; и не удивительно, что не поспел к 1-ому августа с концом».²⁰³

Через Богомильского Белый шлет «замечания к корректурам» и указания «к руководству наборщикам»: «...возвращаю Вам корректуру; не будучи уверен в правильности некоторых своих корректурных значков, я прилагаю при корректуре листик главных замечаний (относительно «красных строк», которых не умею отметить и относительно нумерации главок, почему то пропущенных при наборе, так что текст сливается); оставляю ремингтон у себя: он мне нужен был бы; полагаю, что *теперь*, после правки гранок он уже не нужен для типографии».²⁰⁴

В итоге роман «Москва» прошел все стадии предпечатной подготовки и был выпущен, как и все издания «Круга», — «под общим наблюдением Д. К. Богомильского».

11. «Идеологическая сторона издательства хромает основательно»

Следует отметить, что в 1925–1926 годах «Круг» переживал не лучшие времена. Его мучили проверки, ограничивали в средствах и собирались закрывать за идеологические просчеты. Многочисленные прегрешения «Круга» были собраны в «Объяснительной записке» за подписью зав. отделом печати ЦК ВКП(б) В. Н. Васильевского и рассмотрены на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 ноября 1926 года.²⁰⁵ Роман Белого предсказуемо оказался в числе тех произведений, за выпуск которых издательство должно было понести ответственность. В этом пространном документе доказывалось, что «в части редакционно-идеологической „Кругом“ допущен ряд неправильностей и отклонений».

Например, такое: «...задачи артели писателей, как указано в параграфе 1 Устава, состоящие в том, чтобы „путем издания литературно-художественных, литературно-исторических и критических произведений привлекать, главным образом, молодых писателей, отображающих новый быт России и новые формы искусства и стоящих на советской платформе“, в данный момент не выполняются, — наоборот, издательство круто (примерно с начала 1926 года) повернуло в сторону предпочтения старых, известных ранее («именна») писателей...».

Или такое: «...ориентация исключительно на квалифицированного читателя заставляет „Круг“ уделять крайне незначительное внимание молодым, вырастающим на советской почве, писателям, что выражается предоставлением крайне малого места их произведениям».

Претензии иллюстрировались примерами. Белый не подходил и потому, что не состоял членом Артели, и потому, что его нельзя было включить в «ряд

²⁰³ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомильскому. С. 340.

²⁰⁴ Там же. С. 340–341.

²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 244. Л. 73–78.

<...> молодых писателей», и потому, что он был знаменит, принадлежал «к сонму старых писателей, писавших ранее и пользовавшихся определенной известностью». Также указывалось (и здесь не поспоришь), что книги Андрея Белого («„Московский чудак“ и т. п.»), как и некоторые другие последние книги «Круга», «предназначены (да и доступны) лишь „квалифицированному“ читателю». Признавалось, впрочем, что эти произведения «довольно ходки и с коммерческой стороны оправдывают свое издание». Но это не меняло главного, того, что *«идеологическая сторона издательства хромает основательно»*.²⁰⁶

На заседании Оргбюро 26 ноября 1926 года обсуждалось предложение Васильевского: «Считать нецелесообразным дальнейшее существование издательства „Круг“, а) идущего в разрез с директивами партии и уставом своей артели; б) специализирующегося на выпуске порнографической литературы; в) преследующего чисто коммерческие цели».

Тогда издательству удалось уцелеть. Оргбюро ЦК ВКП(б) на заседании от 26 ноября 1926 года постановило «коренным образом реорганизовать руководство редакционной частью издательства» и произвести «изменение состава Правления».²⁰⁷

В отчете «Круга» за период с октября 1925 года по 1 апреля 1927 года обе книги Белого, и «Московский чудак», и «Москва под ударом», стоят в списке тех, что «разошлись полным тиражом»,²⁰⁸ составлявшим 4000 экземпляров. «Между прочим, первый том в Издательстве уже исчерпался (обе части) — дораспродаются остатки...» — сообщал Белый Иванову-Разумнику 24 ноября 1926 года.²⁰⁹

Так что какую-то пользу «Кругу» автор «Москвы» все же принес.

Сначала Белый рассчитывал выпустить в «Круге» переработанное издание сборника стихов «Пепел», но не вышло («Пепел» в итоге был выпущен в 1929 году в «Никитинских субботниках»).²¹⁰ Затем — книгу «Кавказ и Волга» о своем путешествии 1927 года. Договор на ее издание заключили 10 апреля 1928 года (указанный в договоре срок предоставления материала — 13 апреля²¹¹), и работа была доведена практически до конца. «Печатается обложка. Книга должна скоро выйти», — рапортовал Белому Зайцев. Но судьба «Круга» была уже предрешена. «Между прочим „Круг“ переехал в новое помещение на Театральную площадь, это сзади Большого театра, и слился с издательством „Федерация писателей“. Ваша книга выходит под маркой Федерации», — ставил Зайцев Белого в известность в том же письме от 6 августа 1928 года.²¹² Под заглавием «Ветер с Кавказа» травелог был напечатан в сентябре. На титульном листе значилось два издательства — «Федерация», потом «Круг». В 1929 году «Круг» уже официально волеется в издательство «Федерация», прекратив таким образом свое существование.

И конечно же, Белый думал в 1926 году о продолжении сюжета с «Москвой»: «..., *Круг*“ требует скорей второго тома „Москвы“, за который не принимался еще».²¹³ Как минимум, он надеялся на то, что первый том «Москвы»

²⁰⁶ Фраза в машинописи «Объяснительной записки» подчеркнута.

²⁰⁷ Там же. Л. 72.

²⁰⁸ ИМЛИ. Ф. 426. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 6 об.

²⁰⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 416 (письмо от 24 ноября 1926 года).

²¹⁰ Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за октябрь 1925 года: «По просьбе Воронского готовлю сокращенный „Пепел“ к переизданию; весь месяц правка стихов» (Белый А. Ракурс к дневнику. С. 488).

²¹¹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 29. Л. 3.

²¹² Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. С. 427.

²¹³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 416 (письмо от 24 ноября 1926 года).

будет переиздан. Но и этого не случилось. «...„Круг“ не хочет печатать 2-м изданием, что подводит меня, ибо дела мои матер<иальные> не в блестящем состоянии», — сетовал Белый.²¹⁴ Зайцев ему не только вторил, но и объяснял причины сложившейся неблагоприятной ситуации: «На переиздание двух книг первого тома у Воронского трудно надеяться. Хотя Воронский по-прежнему руководит „Кругом“ и является редактором „Красной нови“, положение его пошатнулось, это чувствуют все и он сам в первую очередь, и поэтому стал гораздо осторожнее в подборе авторов».²¹⁵

Однако эстафету «Круга» подхватит издательство «Никитинские субботники», выпустив (также в двух книгах) первый том «Москвы» в 1927 году и перевыпустив в 1928-м.

12. «А вселенная грохала тысячами типографских машин»: Богомилский в «Москве»?

Белый познакомился с Богомилским весной 1924 года. Сведений о том, что контакты между ними продолжались после выхода «Москвы» летом 1926 года, нет. Безусловно, Богомилский не стал Белому другом. Однако общение между ними в это время было достаточно интенсивным. Писем за тот период сохранилось мало — всего два письма. Очевидно, что множество важных вопросов, может быть, и большинство, решалось в разговорах, при личных встречах. «Надеюсь, что на этот раз удастся с Вами посидеть вечеров»; «Буду в Москве, как только получу ремингтон первой половины 4-ой главы <...>; тогда же, если Вам будет можно, встретимся. <...> Итак, до скорого свидания», — писал Белый Богомилскому.²¹⁶

Когда эти встречи начались и как часто происходили, не представляется возможности узнать. Несомненно, рабочие вопросы решались в первую очередь. Но быть может, если удавалось «посидеть вечеров», поднимались и другие, не связанные с работой темы? Рассказывал ли Богомилский о своем революционном прошлом Белому? Документально подтвердить это нельзя, но нельзя и исключить. Белого революционная тема могла весьма интересовать, ведь надо было изобразить в «Москве» революционера-подпольщика Кьерко, а Богомилский таким опытом обладал: жил, как и герой романа, по поддельным документам, под вымышленными именами-кличками, занимался пропагандой и агитацией... Безусловно, и большевика Кьерко, и вообще весь революционный пласт романного содержания можно было бы «слепить», и не обращаясь к опыту Богомилского. Однако есть, как кажется, тема, которую Белый вполне мог перенять у «Феди», — типографская. Организация подпольных типографий, — напомним, — главное дело Богомилского-революционера. Он знал, как добывать типографские шрифты и как тайно печатать запрещенную литературу, он лично находился в тех типографиях во время

²¹⁴ Там же. С. 416. Материальные дела Белого были не в блестящем состоянии еще и потому, что финансовое положение «Круга» ухудшилось, и писателю еще долго пришлось выбивать свой гонорар за уже выпущенную «Москву». См., например, письмо Зайцева Белому от 1 октября 1926 года и письмо Белого Зайцеву от 28 февраля 1927 года: Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. С. 381–382. Тогда Богомилский уже был отодвинут от решения этих вопросов, и всеми делами ведал А. Н. Тихонов, ставший в 1926 году заведующим издательством (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 244. Л. 84); затем он возглавил и издательство «Федерация», поглотившее «Круг». «И шаткость „Круга“, и зыбкая улыбка Тихонова-Воронского» не на шутку огорчали и раздражали Белого (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 479; письмо от 26 сентября 1926 года).

²¹⁵ Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 76.

²¹⁶ А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомилскому. С. 340, 341.

жандармских налетов... Об этом подробно рассказывается в приведенной выше автобиографии Богомильского.²¹⁷

Тема подпольной типографии появляется во втором томе «Москвы», в романе «Маски», и раскрывается весьма изящно и интригующе. Киерко (сменивший имя и ставший Тителевым) поселяет у себя дома Никанора, брата главного героя, чтобы тот ухаживал за выздоравливающим Иваном Ивановичем Коробкиным, которого также планируется перевезти к Киерко. Однако Никанор вскоре обнаруживает, что у Киерко — «непокойный дом: дом с резонансами!».²¹⁸ Странные шумы в подвале не дают ему спать: что-то постоянно «стрекотало, тиликало», «пыхтело и фыркало: под-полом», как будто шли боевые действия или... «дрезжал: „Ундервуд“».²¹⁹ Или же — доносились «ревы далекого мамонта, бьющего хоботом в камень веков»: «Переюркивая по стене, ловил звуки он: перебитные, с прохватом молчания; и ухом нащупал он центр звуковой: голос, перебиваемый сипами, шлепом шагов, дрекотаньем машины, жужжанием валиков, передвижением косных тюков...».²²⁰

Испуганный Никанор хочет бежать, решив, что в доме творятся грязные дела, а Киерко-Тителев — «темная личность, скрывающая атамана фальшивомонетчиков».²²¹ Однако действительность превосходит все его ожидания и познания. Оказывается, что в доме Киерко не банда фальшивомонетчиков развернула свою деятельность, а просто организована... подпольная типография, для которой кто-то достал шрифты и печатные станки. Опасаясь налета жандармов и в преддверии переезда профессора Коробкина (не ясно, какая причина важнее), ее собираются перевозить: «К тому времени мы ликвидируем стуки: уже типография переезжает: выносятся шрифт: прокламации, — не ассигнации...».²²² Вроде бы так и произошло: «Ликвидировали типографию — правда: машины-то — где?», а вроде бы и нет:

«Если переносили, он видел бы; нет — ни тюков, ни шрифтов.

— Она — в воздухе!

— Посередине гостиной?

— Так-эдак!

— На пересечении диагоналей, которое — воздух?

<...> Она, типография —

— в воздухе?!? —

— Терентий Титыч же громыхает свинцовыми валиками прямо в хор... голосов... бестелесных — из воздуха?!»²²³

Реальная подпольная типография оказывается типографией символической, мистическим образом превращается в явление космического масштаба, становится знаком и аккомпанементом надвигающегося взрыва: «А вселенная грохала тысячами типографских машин».²²⁴

Быть может, сюжетная линия, связанная с работой нелегальной типографии, печатающей прокламации, — еще один вклад Богомильского в роман Андрея Белого «Москва».

²¹⁷ ГА РФ. Ф. А539. Оп. 4. Ед. хр. 2211. Л. 41.

²¹⁸ Белый А. Маски. М.: ГИХЛ, 1932. С. 40. См. также с. 35, 53 и подглавку «Дом с резонансами» (с. 40–43).

²¹⁹ Там же. С. 40.

²²⁰ Там же. С. 41.

²²¹ Там же. С. 43.

²²² Там же. С. 53.

²²³ Там же. С. 217.

²²⁴ Там же. С. 344.

7. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и прим. М. Ю. Корнеевой // Русская литература. 1991. № 2.
8. Розанов В. В. Ипполит Тэн. Путешествие по Италии // Воспоминатели мгновений. Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916 / Изд. подг. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров. СПб., 2015.

References

1. Bagno V. E. Ispaniia russkikh pisatelei XX veka // Bagno V. E. Rossiia i Ispaniia: obshchaia granitsa. SPb., 2006.
2. Belyi A. Emblematika smysla // Belyi A. Simvolizm. Kniga statei / Predislovie S. I. Piskunovoi, V. M. Piskunova; prim. E. I. Volkovoi. M., 2010.
3. Dzhuliani R. Pavel Muratov ili inertsiiia literaturnogo kanona // Izvestiia RAN. Ser. literatury i iazyka. 2019. T. 78. № 2.
4. Kalugina E. O. «Chernaia legenda» ob Ispanii v russkoi kul'ture // Pogranichnye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom (Rossiia i Ispaniia). SPb., 2001.
5. Lavrov A. V. Literator Pertsov // Pertsov P. P. Literaturnye vospominaniia. 1890–1902 / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta, prim. A. V. Lavrova. M., 2002 (ser. «Rossiia v memuarakh»).
6. Lavrov A. V. Vvedenie v «Diadologiiu» P. P. Pertsova // Poliarnost' v kul'ture. SPb., 1996 (al'manakh «Kanun»; vyp. 2).
7. Pis'ma D. S. Merezhevskogo k P. P. Pertsovu / Vstup. заметка, публ. и прим. М. Ю. Корнеевой // Russkaia literatura. 1991. № 2.
8. Rozanov V. V. Ippolit Ten. Puteshestvie po Italii // Vospominатели мгновений. Переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916 / Изд. подг. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров. СПб., 2015.

Моника Львовна Спивак

ведущий научный сотрудник

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
старший научный сотрудник Мемориальной квартиры Андрея Белого
(филиал Государственного музея А. С. Пушкина)

Monika Lvovna Spivak

Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences; Senior Researcher,
Andrei Bely Memorial Apartment (Branch of the Pushkin State Museum)

ORCID: 0000-0001-5308-9780

monika_spivak@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА» И ЛИТЕРАТУРНАЯ «КУХНЯ» 1920-х ГОДОВ

THE PUBLISHING HISTORY OF ANDREI BELY'S NOVEL *MOSCOW* AND THE LITERARY «KITCHEN» OF THE 1920s

Издательская история романа «Москва» («Московский чудак», «Москва под ударом» — 1926) рассматривается в статье с привлечением новых архивных материалов, в контексте партийных установок и литературной жизни 1920-х годов, в связи с параллельными издательскими проектами Белого. Особое внимание уделено отношениям Белого с журналом «Россия» и издательством «Круг», а также роли Б. А. Пильняка и Д. К. Богомилевского в разрешении литературных и финансовых проблем писателя. Даются «портреты» тех участников издательской истории «Москвы», о которых в современной научной литературе практически нет никаких сведений (Н. Э. Хелминский, Д. К. Богомилский).

Ключевые слова: Андрей Белый, роман «Москва», журнал «Россия», издательство «Круг», Б. А. Пильняк, Д. К. Богомилский, И. Г. Лежнев, З. Л. Каганский.

The article considers the publishing history of the novel *Moscow* (*Moscow Weirdo*, *Moscow under the Attack*, 1926), using the new archival data and putting it into the context of the Communist Party guidelines and of the literary life of the 1920s, in connection with Bely's publishing projects of the time. The focus is on Bely's relations with the literary periodical *Rossiya* and Krug Publishing House, as well as on the involvement of B. A. Pilnyak and D. K. Bogomilsky in solving the writer's literary and financial problems. The «portraits» of the contributors to the publishing history of *Moscow* who remain obscure in contemporary academic literature (N. E. Helminsky and D. K. Bogomilsky) are outlined.

Key words: Andrey Bely, novel *Moscow*, Rossiya literary periodical, Krug Publishing House, B. A. Pilnyak, D. K. Bogomilsky, I. G. Lezhnev, Z. L. Kagansky.

Список литературы

1. А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение второе: Белый и Н. Э. Хелминский / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15.
2. А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка. Приложение первое: Письма А. Белого Д. К. Богомилскому / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15.
3. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
4. Андрей Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Подг. текста и прим. Дж. Мальмстада // Зайцев П. Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи / Сост. М. Л. Спивак; вступ. статья Дж. Мальмстада, М. Л. Спивак. М., 2008.
5. Белый А. Ракурс к дневнику // Лит. наследство. 2016. Т. 105. Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада.
6. Богомилский Д. К. Есенин и издательство артели писателей «Круг» // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965. М., 1975.
7. Бугаева (Васильева) К. Н. Дневник. 1927–1928 / Предисловие, публ., прим. Н. С. Малинина // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 7 / Ред.-сост. А. В. Лавров.
8. Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисловие и комм. Дж. Мальмстада; подг. текста Е. М. Варенцовой и Дж. Мальмстада. СПб., 2001.
9. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999 (сер. «Россия. XX век. Документы»).
10. Воронский А. К. Из переписки с советскими писателями / Вступ. статья и публ. Е. А. Динерштейна // Лит. наследство. 1983. Т. 93. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования.
11. Динерштейн Е. А. А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001.
12. Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 2005. Т. 7. Кн. 1.
13. Зайцев П. Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого / Подг. текста и прим. М. Л. Спивак // Зайцев П. Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи / Сост. М. Л. Спивак; вступ. статья Дж. Мальмстада, М. Л. Спивак. М., 2008.
14. Кривеллер К. Репрезентация «бомбы» в киносценарии по роману «Петербург» Андрея Белого // Андрей Белый: Ракурсы, контексты, подтексты. Статьи и публикации / Ред.-сост. Е. В. Глухова, И. Б. Делекторская, М. Л. Спивак. М., 2024.
15. Лавров А. В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества // Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М., 1988.
16. Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980.
17. Лавров А. В., Мальмстад Дж. Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург» // Белый А. Петербург: Историческая драма / Подг. текста и прим. А. В. Лаврова. М., 2010.
18. Луначарский А. В. О пьесе Андрея Белого «Петербург»: [Письмо к И. П. Трайнину (29 ноября 1924 г.)] / Публ. Л. М. Хлебникова // Лит. наследство. 1970. Т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы.
19. Луначарский А. В. О современных направлениях русской литературы // Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 8.
20. Мишуrowsкая М. В. Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015.
21. Мишуrowsкая М. В. Редактор «России»: Биография И. Г. Лежнева — архивные документы и публикации // История и архивы. 2020. № 3; 2021. № 1, 4.

22. *Незнамов П. В.* Маяковский в двадцатых годах // *Маяковский в воспоминаниях современников* / Вступ. статья З. С. Паперного; сост. и прим. Н. В. Реформатской. М., 1963.
23. *Пильняк Б. А.* Письма: В 2 т. / Сост., подг. текста, предисловие и прим. К. Б. Андроникашвили. М., 2010.
24. *Пильняк Б. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 2 / Сост., комм. К. Андроникашвили-Пильняк.
25. *Поливанов К. М.* К истории «артели» писателей «Круг» // *De visu*. 1993. № 10 (11).
26. *Рукописные памятники*. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова.
27. *Шенталинский В. А.* Рабы свободы: Документальные повести. М., 2009.

References

1. A. Belyi i P. N. Zaitsev. *Perepiska. Prilozhenie pervoe: Pis'ma A. Belogo D. K. Bogomil'skomu* / Publ. Dzh. Mal'mstada // *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. M.; SPb., 1994. Vyp. 15.
2. A. Belyi i P. N. Zaitsev. *Perepiska. Prilozhenie vtoroie: Belyi i N. E. Khelminskii* / Publ. Dzh. Mal'mstada // *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. M.; SPb., 1994. Vyp. 15.
3. Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. *Perepiska* / Publ., vstup. stat'ia i komm. A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada; podg. teksta T. V. Pavlovai, A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada. SPb., 1998.
4. Andrei Belyi i P. N. Zaitsev. *Perepiska* / Podg. teksta i prim. Dzh. Malmstada // *Zaitsev P. N. Vospominaniia: Poslednie desiati' let zhizni Andreia Belogo. Literaturnye vstrechi* / Sost. M. L. Spivak; vstup. stat'ia Dzh. Malmstada, M. L. Spivak. M., 2008.
5. *Belyi A.* Rakurs k dnevniku // *Lit. nasledstvo*. 2016. T. 105. Belyi A. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-kh godov* / Sost. A. V. Lavrova i Dzh. Malmstada.
6. *Bogomil'skii D. K.* Esenin i izdatel'stvo arteli pisatelei «Krug» // *Vospominaniia o Sergee Esenine*. M., 1965. M., 1975.
7. *Bugaeva (Vasil'eva) K. N.* *Dnevnik. 1927–1928* / Predislovie, publ., prim. N. S. Malinina // *Litsa: Biograficheskii al'manakh*. M.; SPb., 1996. Vyp. 7 / Red.-sost. A. V. Lavrov.
8. *Bugaeva K. N.* *Vospominaniia ob Andree Belom* / Publ., predislovie i komm. Dzh. Malmstada; podg. teksta E. M. Varentsovoi i Dzh. Malmstada. SPb., 2001.
9. *Dinershtein E. A. A. K. Voronskii: V poiskakh zhivoi vody*. M., 2001.
10. *Esenin S. A.* *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* M., 2005. T. 7. Kn. 1.
11. *Kriveller K.* *Reprezentatsiia «bomby» v kinostsenarii po romanu «Peterburg» Andreia Belogo* // Andrei Belyi: *Rakursy, konteksty, podteksty. Stat'i i publikatsii* / Red.-sost. E. V. Glukhova, I. B. Delektorskaia, M. L. Spivak. M., 2024.
12. *Lavrov A. V.* Andrei Belyi. *Khronologicheskaiia kanva zhizni i tvorchestva* // Andrei Belyi: *Problemy tvorchestva. Stat'i, vospominaniia, publikatsii*. M., 1988.
13. *Lavrov A. V.* *Rukopisnyi arkhiv Andreia Belogo v Pushkinskom Dome* // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god*. L., 1980.
14. *Lavrov A. V.* *Malmstad Dzh. Teatral'naia versiia romana Andreia Belogo «Peterburg»* // Belyi A. *Peterburg: Istoricheskaiia drama* / Podg. teksta i prim. A. V. Lavrova. M., 2010.
15. *Lunacharskii A. V.* *O p'ese Andreia Belogo «Peterburg»: [Pis'mo k I. P. Traininu (29 noiabria 1924 g.)]* / Publ. L. M. Khlebnikova // *Lit. nasledstvo*. 1970. T. 82. A. V. Lunacharskii. *Neizdанные materialy*.
16. *Lunacharskii A. V.* *O sovremennykh napravleniiakh russkoi literatury* // *Lunacharskii A. V. Sobr. soch.: V 8 t.* M., 1964. T. 8.
17. *Mishurovskaia M. V.* *Bor'ba za roman «Belaia gvardiia» i izdatel'skie intrigi 20-kh godov*. M., 2015.
18. *Mishurovskaia M. V.* *Redaktor «Rossii»: Biografiia I. G. Lezhneva — arkhivnye dokumenty i publikatsii* // *Istoriia i arkhivy*. 2020. № 3; 2021. № 1, 4.
19. *Neznamov P. V.* *Maiakovskii v dvadtsat'kh godakh* // *Maiakovskii v vospominaniakh sovremennikov* / Vstup. stat'ia Z. S. Papernogo; sost. i prim. N. V. Reformatsoi. M., 1963.
20. *Pil'niak B. A.* *Pis'ma: V 2 t.* / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. K. B. Andronikashvili. M., 2010.
21. *Pil'niak B. A.* *Sobr. soch.: V 6 t.* M., 2003. T. 2 / Sost., komm. K. Andronikashvili-Pil'niak.
22. *Polivanov K. M.* *K istorii «arteli» pisatelei «Krug»* // *De visu*. 1993. № 10 (11).
23. *Rukopisnye pamiatniki*. SPb., 1997. Vyp. 3. Ch. 1. *Rukopisnoe nasledie Evgeniia Ivanovicha Zamiatina* / Sost. L. I. Buchina, M. Iu. Liubimova.
24. *Shentalinskii V. A.* *Raby svobody: Dokumental'nye povesti*. M., 2009.
25. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TSK RKP(b)–VKP(b), VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953* / Sost. A. Artizov, O. Naumov. M., 1999 (ser. «Rossiia. XX vek. Dokumenty»).

26. Voronskii A. K. Iz perepiski s sovetskimi pisateliami / Vstup. stat'ia i publ. E. A. Diner-shteina // Lit. nasledstvo. 1983. T. 93. Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov. Novye materialy i issledovaniia.

27. Zaitsev P. N. Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo / Podg. teksta i prim. M. L. Spivak // Zaitsev P. N. Vospominaniia: Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo. Literaturnye vstrechi / Sost. M. L. Spivak; vstup. stat'ia Dzh. Malmstada, M. L. Spivak. M., 2008.

Мария Эммануиловна Баскина (Маликова)

старший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Maria Emmanuilovna Baskina (Malikova)

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID 0000-0003-3371-1231

maria.e.malikova@gmail.com

**ДИАЛОГ И. И. МАРТЫНОВА И М. С. КАЙСАРОВА О Л. СТЕРНЕ
В 1804 ГОДУ**

**I. I. MARTYNOV AND M. S. KAYSAROV DISCUSSING L. STERNE
IN 1804**

В статье реконструируется фантомный диалог в форме литературной игры, основанной на прочтении переводной французской статьи о Стерне с проекцией на актуальные обстоятельства отечественной литературы, между двумя единомышленниками, издателем «Северного вестника» И. И. Мартыновым, поместившим в 1804 году в своем журнале переводную статью со своими примечаниями, и переводчиком «Тристрама Шенди» М. С. Кайсаровым, который откликнулся «Письмом», оставшимся, впрочем, неопубликованным.

Ключевые слова: Л. Стерн, И. И. Мартынов, М. С. Кайсаров, «Тристрам Шенди», «Сентиментальное путешествие».

The article is a reconstruction of a phantom dialogue in the form of a literary game based on projecting a translated French article about Laurence Sterne on the topical issues of national literature between two like-minded persons, Ivan Martynov, the editor of the Messenger of the North, who in 1804 published the French review in his magazine with the editor's notes, and Mikhail Kaysarov, translator of *Tristram Shandy*, who responded with a «Letter», which, however, remained unpublished.

Key words: L. Sterne, I. I. Martynov, M. S. Kaysarov, *Tristram Shandy*, *Sentimental Journey*.

Список литературы

1. Баскина М. Э. «Не Стерн, или, по крайности, не Верн»: К описанию французского генезиса карамзинского Стерна // Шаги = Steps. 2024. Т. 10. № 1.
2. Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960 (сер. «Литературные памятники»).
3. Бестужев-Марлинский А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и прим. Л. Г. Фризмана. М., 1991.
4. Вацулло В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацулло В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
5. Дмитриева Е. Е. Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3.
6. Иванов Д. Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009.